Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО
М. СУБОТКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, В. УСИЕВИЧ.

№ 4 (495) | Пятница, 18 января 1935 года.

М. Горький

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ

2

Как процесс эволюции материи, — основы всех сил, — жизнь величественно проста, как процесс развития социальных отношений — осложнена всяческой ложью и подлостью. Правда требует простоты, ложь — сложности, это очень хорошо утверждается историей литературы.

В старину на процессах технически примитивного труда и еще не очень резко выраженного расслоения людей на владык и рабов устное художественное творчество трудящихся создало в форме сказок и легенд замечательно яркие образцы живописи словом: общая тема этих произведений устной литературы: борьба человека с природой, с волшебником, овладевшим ее тайнами, и мечта о возможности для трудящихся овладеть силами природы. Это — общечеловеческая тема.

«Общечеловеческое» поэзии и прозы классиков весьма редко возвышается над уровнем общебуржуазного. «Общечеловеческими» в литературе прошлого являются произведения, в которых наиболее пессимистически отразилось ощущение личностью трагической сложности социального бытия, сознание ею ничтожества своего в процессе истории. Ощущение это испытывали и разнообразно выражали господа, но оно было также свойственно рабам, толкая тех и других в фантастику идеалистической философии, в туманы религии. Гликон, ваятель, живший в первом веке до нашей эпохи, изобразил Геркулеса совершившим свой последний подвиг: в руке героя труда — яблоко бессмертия, но его поза, его лицо изображают не радость победы, а только усталость и уныние. Интересно отметить тот факт, что буржуа, победив феодала, нигде не отметил в высокой художественной форме свое «торжество победителя».

Борьба — непрерывна, победы — постоянны, а торжества — нет, или же оно так же кратковременно, как крикливо, — такова недавняя подлая и кровавая победа тройного, злодейного Г... олицетворяющего силу крупной немецкой буржуазии. В Европе XIX—XX в.в. подлинно художественно изображенная личность это, или — критик буржуазного общества, или нытик, человек, который жалуется на тяжесть жизни, человек, который хочет жить независимо от первой — материальной — и второй — социальной природы, хочет жить «сам в себе», как подсказал ему машинально мысливший старичок из Кёнигсберга, основоположник новейшей философии индивидуализма.

Но существует страна, в которой буржуазия потерпела поражение. Это факт, имеющий «общечеловеческое» значение не только для пролетариев всех стран, но и для основной силы буржуазии, для мастеров ее науки, культуры, количество которых превышает спрос буржуазии, а драматизм их социального положения и логика истории указывают им единственный путь свободного творчества — путь с революционным пролетариатом.

Задача и обязанность создать подлинно общечеловеческую литературу возлагается историей на писателей Союза С. С. Республик. Это должна быть литература, способная глубоко волновать пролетариат всей земли и воспитывать его революционное правосознание. Материал для создания высоконценной поэзии и прозы у нас уже есть — совершенно новый материал, созданный и непрерывно создаваемый революционным мужеством творчества рабочих и крестьян, их разнообразной талантливостью. Это — материал победы, небывалой в истории человечества, победы пролетариата и утверждения диктатуры пролетариата. Смысловое, историческое мировое значение факта этой победы совершенно исключает из обихода нашей литературы темы безнадежности, бессмысленности личного бытия, тему страдания, освященную вреднейшей ложью христианства. Страдание человека почти всегда изображалось так, чтоб возбудить бесплодное, бесполезное сочувствие, «сострадание» — и крайне редко для того, чтобы насытить чернорабочего строителя культуры чувством мести за его попранное человеческое достоинство, зажечь в нем ненависть к страданию, к источникам его, к творцам подлейших ужасов жизни.

170 миллионов людей отказались от позорной обязанности страдать ради удобств и удовольствий командующего класса. Они еще не успели устранить все внешние причины житейских неудобств, потому, что у них еще не было времени для этого, а также, конечно, по вине их пассивности и мещанского стремления поскорее вкусить дешевеньких «радостей жизни» — поспешность этого стремления об'ясняется тем, что хотя у нас мещанин физически побежден, но все еще «бытует» вместе с нами, распространяя запах тлетворный и одуряющий.

Материалом художественной литературы служит человек со всем разнообразием его стремлений, деяний, человек в процессе его роста или разрушения. Материал у нас есть, но мы плохо изучаем его и у нас отсутствует уменье организовать этот материал в формы высокого искусства. Уменье создается знанием, стало быть нам нужно вооружаться знанием, надо учиться работать искусно и честно. Учиться надо многому и, в наших условиях, учиться не трудно, ибо пролетариат-диктатор разрушил все преграды на пути его детей к науке, искусству.

Литераторы Союза Советов поставлены в центр, внутрь процесса, имеющего мировое значение. Это — процесс творчества культуры, основанной на исключении частной собственности на землю и орудия труда, на уничтожении всех форм социального паразитизма. Но физически включенные в этот процесс, наши литераторы, пытаясь изобразить его, все еще относятся к человеку, живой силе этого процесса, поверхностно, небрежно и даже — равнодушно, рассказывают о нем словами казенного, холодного восхищения, а изобразить его хотя бы таким, каков он есть — не умеют. И не понимают, что **подлинное искусство обладает правом преувеличивать**, что Геркулесы, Прометеи, Дон-Кихоты, Фаусты — не «плоды фантазии», а вполне закономерное и необходимое поэтическое преувеличение реальных фактов. Наш реальный, живой герой, человек, творящий социалистическую культуру, много выше, крупнее героев наших повестей и романов.

В литературе его следует изображать еще более крупным и ярким, это не только требование жизни, но и социалистического реализма, который должен мыслить гипотетически, а гипотеза - домысел — родная сестра гиперболе - преувеличению.

Недавно вышла весьма интересная, очень острая книжка Д. Мирского «Интеллиг е н с и я», в ней характеризуется интеллигенция Англии и между прочим сказано, что буржуазия, «признав ограниченность познавательных способностей своих, отказалась от познания закономерностей и ограничивает мышление только оценками». Это — сугубо правильная мысль, особенно в ее приложении к явлениям социальным. Познавательный аппарат буржуазии износился на долголетней работе перемалывания суровой и отвратительной «правды» жизни, творимой буржуазией, в пыль и в ложь религии, философии, в ложь мещанского, либерального «гуманизма», а ныне безграмотную ложь фашизма. Но, к сожалению, наша литература в большинстве ее дает право сказать, что она тоже отказывается от познания закономерностей в пользу внешних, поверхностных оценок.

Тысячами голосов советский человек, строитель новой культуры, ежедневно говорит литераторам: я был пастухом, был социально-опасным правонарушителем, был батраком кулака, — стал инженером, медиком, ученым естествоиспытателем; я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа, — я стала профессором философии, агрономом, парторгом и т. д. Говоря это, люди сообщают как бы только о факте своего физического перемещения в социальной среде, не умея, и иногда — не желая рассказывать о химии факта. Вскрыть психо-химический процесс перемещения из ряда чернорабочих батраков в ряды мастеров культуры, вскрыть закономерность этого явления, показать, какую роль играла в нем классовая идеология пролетариата, как сопротивлялись ей зоологические эмоции мещанства, — это дело революционера-художника, «инженера душ».

Суть и смысл факта не только в том, что пастух строит машины, а батрачка — директорствует на фабрике. Ведь крупная буржуазия физически размножается и размножилась не только путем деторождения, но также и путем отбора и всасывания в жирную клейкую среду свою людей наиболее талантливых и энергичных из среды рабочих, крестьян, мелкой буржуазии. Неисчерпаемо огромный мир трудового народа всегда изобиловал талантами и тысячи их, становясь идолопоклонниками культуры собственников, освежали силу класса врага, укрепляли его власть над миром. Только единицы, десятки отдавали таланты свои делу организации классового революционного правосознания пролетариата, указывали ему на историческую необходимость борьбы против грабителей мира, фабрикантов нищеты и вырождения трудового народа. Об этом пожирании капиталистами талантливых людей враждебного им класса начинают рассказывать некоторые из литераторов современной Европы. Америки, — рассказывают потому, что уже чувствуют драматизм своего положения в обществе двуногих зверей в перчатках и цилиндрах, в среде владык, которые снова организуют грандиозное всемирное истребление миллионов рабочих и крестьян.

Задача нашей, всесоюзной литературы показать, как батраки и батрачки, которым церковь и семья веками внушали пренебрежительное и враждебное отношение к батракам и батрачкам иных племен, религий, языков, нашли во всех племенах царской России общепролетарское чувство кровного, классового родства, как в разноплеменной стране Союза Советов возникает сознание единства цели, как это сознание будит и организует таланты, как оно возбуждает жажду знания, трудовой героизм и готовность бороться за великое дело пролетариата (на всех точках земного шара). Основная тема всесоюзной литературы показать, как отвращение к нищете перерождается в отвращение к собственности. В этой теме скрыто бесконечное разнообразие всех иных тем подлинно революционной литературы, в ней заключен материал для создания «положительного» типа человека героя, в ней заключена вся «историческая правда» эпохи, а таковой правдой является революционная целесообразность энергии пролетариата, — энергии, направленной на изменение мира в интересах свободного развития творческих сил трудового народа.

●

Рядом с людьми, новорожденными революцией для того, чтобы продолжать расширять, углублять уже начатое дело коренного изменения мира, все еще живут и воняют люди с психикой ненасытных потребителей, люди, которые, еще не успев освоить и проглотить данный им кусок, спрашивают: а еще, а завтра что будет? Они чрезвычайно быстро привыкают к успехам воздухоплавания, к чудесам радио, росту электрификации, к полетам в стратосферу и гримасничают: «Что же — стратосфера? Вот если бы на Марс!» Они не прочь посмотреть на что-нибудь героическое, похлопать героям ладонями, но развлекаясь грандиозностью событий, они чувствуют себя в праве горько жаловаться на то, что в продаже нет каких-то особенно любимых ими пуговиц и нет мармелада, тоже особенно обожаемого ими. И никто из драматургов наших все еще не равен Шекспиру, хотя советская литература существует уже 18-й год. И нет романиста, равного Бальзаку или Флоберу, и нет поэта, равного Пушкину.

Вот предо мной рукопись статьи «Политика в искусстве», автор — человек в свое время весьма заметный артист театра. Он боится, что «так называемый социалистический реализм не достаточно строго сообразуется с восприятию основных задач искусства». Он советует «оставить давно надоевшую оскомину фразу, что искусство определяется структурой общества. И хотя Шекспир, когда ему — должно быть — напомнили об Уотт Тейлоре, Степане Разине Англии и о других возмутителях покоя лордов — Шекспир создал фигуру Калибана, автор статьи заявляет: «величайшее значение Шекспира в том, что из его произведений никак не узнаешь, кому он сочувствовал, что отрицал, и в этом его несомненное преимущество пред всеми величайшими художниками слова». Состояние умственных способностей этого автора лучше всего характеризуется его патетической фразой: «О, если б где-либо, когда-либо господствующий класс не физически, а только идейно подчинил подвластных ему — какой бы тогда наступил блаженный век для человечества!»

А вот еще рукопись другого автора, значительно более грамотного литературно. Он ставит вопросы такого рода: «Как понимать историческую правду? В какой связи она находится с методом социалистического реализма?» Далее он говорит, что «запретное» для смертного «таит неиз'яснимые наслаждения», что «подлинный драматизм» — это «кислород для искусства, его как бы естественный художественный материал», что «фигуры умолчания» о драматизме жизни «порождают лакировку действительности». Дальше автор заявляет, что «трагедия, как высшее выражение конфликтов бытия уже утрачивает почву у нас и мы изо всех сил работаем над уничтожением трагедии». И у него выходит так, что у нас уничтожается основа искусства. По его словам причиной этого несчастия служит «слабость мысли, слабость философская».

Казалось бы, что из признания факта этих слабостей необходимо следует единственно правильный вывод: Надо учиться! Автор видимо и желал сказать это, но сказал в такой форме: «Дело пролетариата и теория его, теория марксизма, неопровержимы. Вот почему мы должны искать факты, которые могли бы «опровергнуть» их». Так и написано. А вся статья, насколько можно понять смысл ее, написана должно быть затем, чтоб сказать: «искусство должно служить «об'ективной» истине. А на кой она чорт нужна автору и что такое эта «об'ективная истина» — об этом он себя очевидно не спрашивал и каково ее отношение к «суб'ективной» правде пролетариата, к революционной целесообразности, к правде эпохи, организующей миллионы людей, как новую творческую силу, — об этом автор должно быть не думал.

Между тем «об'ективная истина» даже не фотография, а нечто гораздо хуже, — хуже потому, что она двулична, — «дуалистична», как говорят люди, читавшие философические книжки. Она берет человека, противопоставляя его миру, обществу, среде, и берет его утешительно пестреньким, одновременно совмещающим в себе честное и подлое, глупое и хитрое, берет его как нечто, за власть над чем — по Достоевскому — борются «бог и дьявол». «Человек обречен на страдание, как искра, чтоб устремляться вверх», а «верх» это, обычно, какая-нибудь жалкая низость, в недрах которой страдалец успокаивается. Человек всегда чья-нибудь жертва: государства, «общества», «среды» — «сексуальных эмоций» извращенных по однополой любви, — хотя весьма заметно, что и под этой «любовью» у мещан спрятан расчетец: жить с мужчиной дешевле, чем с женщиной, дешевле и спокойнее — детей не будет. Мещанин вообще и всегда страдалец, даже и тогда, когда он материально устроился вполне благополучно, но чувствует, что благополучие это непрочно, что вокруг его лисьей норы есть руки, готовые содрать с него кожу, руки мещан более крупного калибра. Мещанин весьма заинтересован в том, чтоб существовала «об'ективная истина», чтоб литература изображала его начиненным непримиримыми противоречиями мысли и чувства. Это очень устраивает его, — об'ясняет, оправдывает, успокаивает. Пред нашей литературной молодежью отличная, никем еще не тронутая тема: мещанин в страдании и спасительность об'ективной истины. К этой теме близко подошел в романе «Бювар и Пекюше» только один проницательный Флобер, непримиримый враг мещанства, враг с правой стороны. Где-то в корне своем «об'ективная истина» равноценна религии: она тоже пытается утешать, но она, пожалуй, вреднее религии, ибо обманывает более искусно. В конце концов: она внушает: «так было — так будет». Но о ней поговорим в другой раз.

Итак — «слабость мысли, слабость философии», — говорит любитель об'ективизма в литературе. Известно, что «философы об'ясняют мир», пролетариат создан историей для того, чтоб изменить этот мир и уже весьма успешно начал это трудное, прекрасное дело. Напомню, что недавно, на с'езде писателей Союза Советов пролетариат — не как диктатор, а как читатель-друг, о котором тосковал Салтыков-Щедрин и многие другие, — громко, на весь мир, заявил о своей высокой оценке литературы, о любви к ней, о надежде, что литераторы дадут ему хорошие честные книги, а литераторы в ответ единодушно заявили о своей готовности работать «в контакте» с ним, согласно с его революционной деятельностью, сообразно творимой им «легенде» и правде эпохи — «суб'ективной»? — правде сотен миллионов людей, которые постепенно сознают свое право быть хозяевами жизни.

Против этой правды — «об'ективная» правда прошлого. О чем бы она ни говорила, в каких бы словах ни выражалась, она всегда не что иное, как более или менее умело скрытое стремление личности утвердить свое «идейное» право на узурпацию чужого труда, право на паразитизм. Эта «гуманитарная» личность, воспитанная веками внушений религии и философии фарисеев, иезуитов, инквизиторов, эта личность неизлечимо заражена сладострастной любовью к «трагедиям» жизни. Ее сатирическая любовь — корыстна, ибо всячески подчеркивая, отмечая, изображая «неудобства бытия» единоличников и «душевные» их страдания, утверждает неизбежность страданий, может быть помимо воли своей, но — утверждает, ибо не хочет или не умеет возбуждать физиологическую брезгливость и ненависть к основному источнику моральных и материальных неудобств жизни — к человеческой глупости, жадности, зависти и к мамаше их — старой ведьме собственности, для мещанства все еще пресвятой и преподобной.

Эта любовь корыстна, ибо для нее «драматизм» социального бытия, «кислород искусства, естественный материал» художника. Эта любовь не только корыстна, но не редко и озлоблена, ибо среди литераторов прошлого есть фигуры «об'ективистов», которые в работе своей явно руководились таким принципом: мне — плохо, так да будет же плохо и тебе, читатель! Это уже злоба прокаженных, злоба людей, которые мстят за свою болезнь здоровым людям.

Могут указать, что людям не на чем было учиться писать о радостях жизни. Это, конечно, правильное об'яснение, ибо в прошлом почти вычеркнута была из жизни радость свободного труда, восторг достижений творчества. Я говорю — почти, потому, что даже и подневольный труд на грабителей мира все-таки увлекал и радовал, но этой радости не замечали, если она не являлась радостью богатого мужика, собирающего хлеб в житницу свою.

Мир, чернорабочий мир, который положил основание культуре прошлого, а ныне решился создать свою, — этот мир стремится к здоровой радостной жизни, он давно уже заслужил право на такую жизнь и все яснее видит, что ее можно построить только тогда, когда будут разрушены все устои государства буржуазного, когда всюду будет вырвана с корнем собственность, основа единоличия, общественной иерархии и одичания, озверения людей. Жалобы единоличника, профессионального и привычного потребителя на драматизм личного бытия, конечно, реальны и мотивы жалоб крайне разнообразны: человек — «венец природы» и «звучит гордо», это — неоспоримо, но также неоспоримо, что он бывает мерзавцем, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным лицемером, врагом рабочего класса, шпионом капиталистов, — в таковых его качествах он подлежит беспощадному уничтожению. Ах, конечно, трагически трудно жить, когда каблуки сапог стоптаны, жена соседа красивее моей, Бокову дали орден, а мне, Кошкину, только премию, — отрез на брюки, коробки спичек сделаны небрежно, открываются с трудом, — «Подумайте: миллионы людей пользуются спичками, сосчитайте, какое огромное количество энергии бесплодно тратит страна, открывая эти скверно сделанные коробки? Вот как мы изменяем мир!» Затем профессиональный потребитель, будучи критиком, легко взлетает выше спичечных коробок, к основным вопросам социального бытия и творчества, он готов даже вознестись к вопросам бытия космического, которое предоставляет невеждам более безграничную свободу мысли, чем серьезным мыслителям. Пора бы поставить вопрос: что значит моя личная «трагедия» на фоне и по сравнению с той трагедией, которая неизбежно возникает на путях творчества пролетариатом новой истории и которая должна выразиться в форме всемирной битвы за власть? И — другой вопрос: не пора ли деятелям литературы понять, что время требует от них работы на вооружение пролетариата, на оборону его от всевозможных заразных болезней прошлого, на возбуждение в нем непримиримой ненависти к производителям всех несчастий, мучений, всех «трагедий» социального бытия?

Греческое слово «трагедия» переводится на русский язык как «козлиная песнь». В древности на праздниках в честь веселого бога Вакха приносили жертву — козла, при этом хор пел какую-то песню. Есть иное об'яснение, может быть более древнее и правильное: когда-то приношение в жертву богу человека было заменено козлом, как животным, менее полезным, чем раб, теленок, баран. Затем догадались, что бог, наверное, тоже будет доволен, если жертву — плату за грехи — ему будут приносить аллегорически, условно и козла не резали, а, показав его богу, отпускали на свободу. Это и есть «козел отпущения» известной поговорки. Единоличники, индивидуалисты видимо считают себя «козлами отпущения, носителями грехов мира сего и мучениками за грехи всех людей. Эта роль, вероятно, возвышает человека в его собственных глазах и тем более возвышает, чем более часто он слышит о «великих страдальцах за людей», напр. о Гоголе, Достоевском и других этого ряда. У нас очень любят рассказывать «как я страдал» и это — для одних — старинная скучная и вредная игра, выдуманная церковью, рассчитанная на милостыню сочувствия и сострадания, для других же — болезнь, от которой следует лечиться, ибо эта болезнь не дает места отвращению к страданию, — отвращению, как силе, которая должна возбуждать на борьбу против источника всех страданий человеческой массы.

Мы уже знаем, что страдания фабрикуются не древним, мистическим роком, а вполне реальными и внешне почтенными джентльменами человечьей породы, джентльменами, которые становятся все более внутренно зверообразными и давно заслуживают обуздания.

М. ГОРЬКИЙ

Рис. А. Панова

ВРАГИ НАРОДА

Перед советским судом прошла подпольная контрреволюционная зиновьевская группа, боровшаяся против партии и советской власти, не брезгая никакими методами, вплоть до методов, заимствованных из арсенала фашизма.

«Наши контрреволюционные убеждения оставались одинаковыми и активными до последнего времени», — писал в своем заявлении, адресованном суду, Евдокимов.

На этот раз разоблаченный контрреволюционер, один из пособников Зиновьева и Каменева — не солгал.

Убийство одного из величайших революционеров-большевиков нашей эпохи Сергея Мироновича Кирова было совершено в Ленинграде.

Но обвиняемые в своих показаниях признали, что подготовка террористического акта против тов. Кирова была тесным образом связана с преступной, контрреволюционной работой руководителей «Московского центра».

Неоднократно и Каменев и Зиновьев униженно просили партию поверить им...

Сколько было пролито ими притворных слез, сколько было бумаги исписано для покаянных заявлений для перечисления грехов, совершенных ими и их пособниками в борьбе против диктатуры пролетариата.

Но обвиняемые на суде признали, что обман партии был их боевой тактикой, направленной для «сохранения своих кадров», для консолидации всех контрреволюционных сил против страны Советов.

Двурушничество и измена сопутствовали Зиновьеву, Каменеву и их пособникам в течение последних лет.

Они хотели во что бы то ни стало сохранить себя в рядах ВКП(б), так как изнутри с партией бороться, по их мнению, было легче.

И эти люди, добившись возвращения в партию, снова и снова собирались вместе, они стремились накоплять силы и возбуждать в своих приверженцах чувство озлобления и открытой ненависти к той созидательной работе, которую героически осуществляют партия и рабочий класс.

Руководители и участники контрреволюционной зиновьевской группы стали оформителями стремлений и надежд всех антисоветских сил, еще не добитых до конца в нашей стране.

Антипартийное подполье Зиновьева и Каменева стало резервуаром для стока всех контрреволюционных нечистот.

Преступная деятельность Зиновьева и Каменева вызывала к жизни белогвардейские методы борьбы с советской властью и выстрел в Сергея Мироновича Кирова был прямым результатом деятельности тех, кто идейно воспитал подлого убийцу.

У фашистского выродка Николаева крестными отцами были Зиновьев и Каменев. Их руки омыты кровью т. Кирова, предательски убитого выстрелом в затылок.

Контрреволюционная зиновьевская подпольная группа не хотела верить в наши успехи. На ее глазах родился колхозный строй в деревне, выросла индустриальная страна, могучая и непобедимая. Даже зарубежные враги вынуждены признавать неуклонный рост пролетарского государства.

Но Каменев, Зиновьев и их компания распускали отравленные слухи и слушки, фабриковали «факты», которые ничем не отличались от пресловутых «уток» желтых, бульварных белогвардейских листков.

Они жили надеждами на крах советской власти. Но эти надежды были иллюзорны, каждый день развеивал впрах вымышленные слухи и «факты». Зиновьевская группа давно уже встала на путь измены. Она активно способствовала врагам Советского Союза, готовящим против нас новую войну.

Эта группа измошенничавшихся политических выродков стала также на путь индивидуального террора и она воспитала фашистских собак, поднявших руку на т. Кирова, одного из лучших соратников нашего великого и любимого Сталина.

Преступление этой оголтелой банды провокаторов, двурушников и убийц стало известно партии и всей стране.

Страна гневно возвысила свой голос. Все многомиллионное население нашей пролетарской родины потребовало строжайшей кары всем участникам контрреволюционной банды.

И советский суд свое решающее слово сказал.

По судебному приговору все вдохновители и участники контрреволюционной подпольной зиновьевской группы осуждены на разные сроки.

Изменники и двурушники получили заслуженную кару.

Уроки, которые мы должны извлечь из этих событий, — громадны.

Мы снова и снова должны вспомнить слова т. Сталина о большевистской бдительности.

Уроки последних событий обязывают нас быть еще более бдительными и на фронте литературной теории и практики.

Под знаменами Ленина и Сталина, преодолевая сопротивление врагов, как открытых, так и замаскированных, мы по-боевому должны продолжать свою работу в литературе с тем, чтобы она становилась все более партийной, чтобы она активно способствовала строительству социализма в нашей стране.

К пленуму правления ССП. Обсуждаем вопросы критики

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ, СЛОВО ЧИТАТЕЛЮ

Н. ОГНЕВ

ЗА СОВМЕСТНЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ

Спору нет, грехи нашей литературной критики в прошлом велики: грешила она и заезжательством, и налетами, и механическими оценками, и замалчиванием. Все это было. Можно от этого отмежеваться, но начисто вычеркнуть из истории советской литературы нельзя.

Но в последнее время вошло у нас в моду огульное поношение критики. И беда в том, что хулители критики часто выплескивают из ванны вместе с водой и ребенка.

После реализации постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературных организаций писатели получили возможность спокойно работать. Настало время и для об'ективной оценки нашей критики. Прежде всего нужно помнить, что критика так же, как и другие отряды советской литературы, находилась и находится в состоянии роста. А этому состоянию свойственны и болезни роста. Кроме того на пути критического отряда нашей литературы стоят особые трудности. Ведь если писатели-художники являются «инженерами человеческих душ», то критики — профессора тех втузов, которые призваны воспитывать этих инженеров. К сожалению, большинству «профессоров» следовало бы раньше самим засесть за парты первой ступени и попытаться освоить азы, а потом уже трудную науку критического литературоведения...

Но что было, то прошло. И за исключением отдельных рецидивов наши критики понемногу привыкают относиться к своим выступлениям критически.

Ценным было и есть в нашей критике то, что она всегда стремилась давать четкие оценки; правда, сплошь и рядом четкость эта обесценивалась неверным подходом к иным писателям, но в основном тенденция была правильной. И об этой заслуге советской критики не следует забывать, когда мы говорим о ее недостатках и пробелах.

Вообще дела на критическом фронте неблестящи. Белинских и Добролюбовых у нас пока нет...

Это замечание — о том, что нет еще у нас Белинских и Добролюбовых — я позволил себе сделать однажды в 1933 г. в анкете журнала «Печать и пролетарская революция». И любопытно, что редакция этого журнала, глубоко мною уважаемая, как бы обидевшись за критику, не замедлила заявить в предпосланной писательским анкетам статье, что «у нас нет еще и Пушкиных».

Это, конечно, верно. Но вряд ли целесообразно спорить по такому методу: у вас, мол, Пушкиных нет, почему же у нас должны быть Белинские?

Гораздо важнее осознать то, что отличает задачи современной критики от критики Белинского. Белинский, реагируя на литературные явления своего времени, если можно так выразиться, **растолковывал** их для читателя с определенных идейных позиций. Задача нашей современной критики представляется мне сейчас совсем иной. Мне кажется, что, борясь за большевистскую идейность, наша критика должна, беря за основу творческую **индивидуальность** писателя, исходя из анализа предыдущих его произведений, показывать, подсказывать ему то творческое направление, или ту тему, или тот материал, которые наиболее плодотворно могли бы подвергнуться художественной обработке именно данной творческой индивидуальностью.

Этого критика наша не делает.

Мне кажется, не случайно, что мы наблюдаем в последнее время в нашей литературе такой значительный рост удельного веса произведений по существу мемуарных или исторических, посвященных прошлому, а не современности. Повидимому мы еще мало знакомы с современным материалом. А о том, как творчески вбирать в себя современный материал, как добиться того, чтобы писатель не только умел отобразить действительность, но чтобы он умел в какой-то мере отделиться от материала, чтобы в творчестве его ощущалась какая-то высота, какой-то полет над изученным и освоенным материалом, — обо всем этом наша современная критика не говорит, этих нужных и волнующих каждого писателя вопросов она не ставит.

Тем самым критика не помогает писателям, а в частности и мне, отразить современность. Само собой понятно, что не о требовании готовых рецептов идет здесь речь. Речь идет о совместных — советского писателя и советского критика—вдумчивых творческих поисках.

А. БАРТО

ЖДЕМ ПЕРВОЙ НАСТОЯЩЕЙ СТАТЬИ

О критике детской литературы писать собственно невозможно: по той простой причине, что критики такой нет. Вопросами детской литературы занимаются у нас как-то стихийно, от случая к случаю: по десятилетиям «Молодой гвардии», по случаю организации Детгиза, по случаю доклада на с'езде писателей появляется вдруг в ряде газет серия статей, в порядке некоей кампании. Но пройдет такой «детский день» наподобие женского дня 8 марта — и опять наступает длительное и тяжкое молчание. Так случилось и после всесоюзного писательского с'езда.

Кроме статей С. Маршака, являющихся, собственно говоря, частями его доклада на с'езде, за последнее время я помню только одну значительную статью о детской литературе. Я имею в виду выступление Смирновой в «Литературной газете». В своей статье «Мой товарищ Гайдар» Смирнова с творческих, писательских позиций очень хорошо, очень дружески сумела подойти к творчеству Гайдара и в то же время сумела раскрыть самое основное, главное — его сущность. Во всех других статьях о детской литературе неизменно чувствуется только выполнение «задания на тему»: надо, мол, написать о таком-то писателе. И в таких случаях нет умения схватить главное в творчестве критикуемого писателя. Может быть, во многом виноваты и мы сами, детские писатели, может быть, именно мы должны были бы по-настоящему, по-писательски поднять вопросы детской литературы, если уж не делают этого критики. Но детские писатели, взявшись за критику, ограничиваются примитивным и малоудовлетворительным рецензированием.

В критико-библиографическом бюллетене «Детская и юношеская литература» несколько детских писателей усиленно рецензируют друг друга, но при этом они не ставят сколько-нибудь серьезных вопросов, не выдвигают творческих проблем, не делают обобщающих выводов. Да и пишут-то они «высокими», но туманными словами. Например: «Вот именно в этом бессилии творческого метода перед социальной культурой, в этой схематизации подачи живого материала, а отсюда и бледность и худосочность и беспод'емность, так нередко отличающие нашу дошкольную книгу».

Критики «взрослой литературы», повидимому, несколько напутаны «спецификой» детской книги. И в этом тоже, может быть, вина детских писателей. Так много было у нас разговоров о специфике, что «взрослые» критики, когда спрашиваешь их, почему они не пишут о детских книгах, так же пугаются, как писатели, которым предлагают писать для радио: «что вы, что вы, там же какая-то специфика».

Очень остро стоит вопрос о критике поэтической продукции для детей. О ней пишут главным образом педагоги, т. е. те, кто знает детей. Почему бы не обратить внимание на этот участок критикам «взрослой» поэзии, т. е. тем, кто знает стихи?

В декабрьской книжке библиографического бюллетеня сделана, наконец, первая попытка в этой области: дана нужная обобщающая статья Л. Тимофеева «О стихах для детей». Но характерно, что автор долгожданной этой статьи тут же как бы извиняется, заявляя: «Разобранные тексты в сущности случайно подобраны: делать какие-либо выводы в этой области — преждевременно; но один вывод как будто очевиден: в нашей детской стихотворной литературе еще нет устойчивой художественной традиции. Для детской литературы крайне важно теоретическое осмысление ее особенностей, изучение опыта лучших поэтов; оно имеет и непосредственное практическое значение». И здесь же автор говорит: «Работа над созданием образа в детской литературе может пойти различными путями, говорить о которых здесь, конечно, не место». Почему же здесь, т. е. в единственном и специальном журнале детской и юношеской литературы — не место? Да еще «конечно». И если здесь не место, то где же, наконец, «место»?

Обычно спорят о том, кто первый сказал «э». У нас о детской литературе почему-то все боятся первым сказать «э».

И единственный орган критики детской литературы—бюллетень Критико-библиографического института—пробавляется исключительно рецензиями и библиографией, не давая подлинной критики. Конечно по сравнению с теми временами, когда об одной книжке например, было сказано, что она «написана белыми стихами, попадаются хорошие рифмы», и когда анализ книги ограничивался двумя плюсами, одним плюсом или минусом, бюллетень этот очень вырос. Заметны в нем попытки рецензировать добросовестно, конкретно. Но почему сгруппированные в нем критики никак не хотят выйти за рамки рецензирования или, детально разбирая творчество писателя, как это делает, например, Болотин, в ряде интересных статей, не дают принципиальных выводов, не выявляют особенностей творческого метода анализируемого писателя?

Как правило, в статьях бюллетеня наблюдаются две крайности: или авторы углубляются в технологию, не делая обобщающих выводов, или начинают свою рецензию такими обильными выписками из постановлений и речей, что на критику произведения у них не остается времени и места. Нельзя не удивляться, например, размаху Э. Яновской, которая с мировыми масштабами, но без должного такта, подходит к критике плохонькой детской книжки, опираясь на решения XVII парт'езда. Видимо, именно этот широкий размах приводит Э. Яновскую в другой рецензии к опровержению читателей о том, что социалистический реализм уже представлен в детской литературе творчеством «Маршака, Смирновой, Барто, Кассиля, Гайдара и др.».

Писательница Бергольц написала книжку о девочке Майке, которая всю зиму просидела дома, а к весне она выросла и впервые показалась во дворе дома. После ряда приключений, происходящих с девочкой на улице, мать отдает ее в детский очаг. Яновская об'являет книгу «вредной» и находит, что сразу «автор мог бы повести Майку в детский сад, на экскурсию в природу (?), мог бы поставить ее в условия организованной детской коллективной жизни и тут же в художественных образах показать появление новых интересов и рост личности жившей одиноко девочки. Такой показ Майки стимулировал бы маленьких детских слушателей и читателей к определенным формам деятельности, вызвав в них целый ряд положительных реакций».

Мне кажется, что форма деятельности Э. Яновской не может вызвать положительных реакций ни у читателя, ни у писателя...

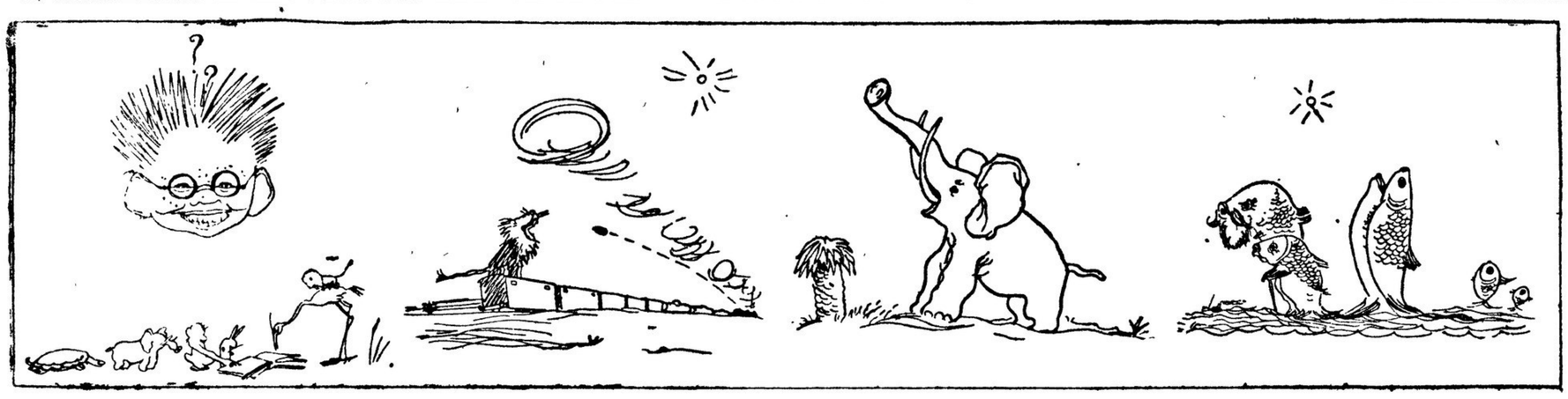
Достаточно было Ольге Бергольц написать, что милиционер, нашедший девочку на улице, принес ее в милицию, «положил на кучу больших, больших книг», чтобы Яновская стала поучать ворчливо: «Так ли это? Был ли когда-нибудь автор в милиции, наблюдал ли он, с какой любовью, с каким вниманием встречают там «потерявшихся» детей? Очевидно не был, иначе он знал бы, что не на кучу, несомненно пыльных, книг уложили плачущего, растерявшегося ребенка».

О критико-библиографическом бюллетене необходимо поговорить пообстоятельней. Он заслуживает подробного внимательного разбора. А пока хочется посоветовать редколлегии бюллетеня избавиться от безвкусных заголовков, которыми украшены рецензии.

Правда же, такие названия, как «Импортная грусть», «Не лучшее у автора». «По ту сторону обычного»—звучат как надписи в плохом импортном кинобоевике.

Необходимо поднять творческую дискуссию в детской литературе. Если еще нельзя говорить о социалистическом реализме в детской литературе, то о творческом методе вопрос уже назрел и должен быть обсужден в этой дискуссии, как и тесно связанный с ним вопрос о жанрах.

Очевидно на предстоящем пленуме кто-то скажет очередное «слово», скупо отведенное вопросам детской литературы. Но нужно, чтобы это слово не осталось без ответа, чтобы оно заставило повернуться в нашу сторону критиков.



В ДЕТГИЗЕ выходит книжка М. ГЕРШЕНЗОНА «ВСЕЗНАЙКИНЫ ЗАГАДКИ», иллюстрированная художником А. КОНЕВСКИМ.

ПОЭТЫ И КРИТИКИ

1

Есть старая поговорка: «Болит не тот, кто болит, а кто над болью сидит».

Волей ассоциации мне представляется бессонный образ матери, жены, друга, облегчающего твои страдания уже одним своим присутствием, бесшумно приближающегося к постели на первый зов, нежно поправляющего подушки, вполголоса беседующего за дверью с врачом... Таким должен быть критик, «сидящий над болью» писателя, переживающий вдвойне.

Если в какой-то мере оправдано «прикрепление» одного литкружковца к крупному квалифицированному писателю, как некое творческое «прилучение к груди» *, то ни в какой мере недопустимо и предосудительно «шефство» одного критика над одним писателем. Возможное возражение критика о «свободе выбора» наивно.

Если творчество поэта отмечено властью одной темы, то это и большой недостаток его и большое достоинство. Однолюбие, постоянство поэта свидетельствует о его внутренней собранности, о честности перед самим собой. Действительно, лучше всю свою жизнь посвятить изображению небольшого, резко ограниченного куска земной поверхности, допустим, родного города или улицы города, его обитателям, его пейзажу, его судьбе, связанной с твоей судьбою, лучше на этом отрезке твоей страны проследить все «события века», чем пытаться «об'ять необ'ятное», лезть из кожи вон, становиться на цыпочки и вытягивать шею... Скрип надсады слышится тогда из каждой строки...

Разве не бывает так, что тебя подстерегает и караулит твое творческое счастье, твоя тема в том переулке, где ты живешь годами (именно в силу того, что ты в нем живешь годами), за собственной твоей дверью, которую ты безжалостно захлопнул, пустившись в тысячеверстный маршрут.

Точно так же одна случайно прочитанная страничка может дать тебе больше, чем целое книгохранилище. Прошу не понимать эти слова как отказ от культурного наследства, как призыв к затворничеству: для того, чтобы набрести на эту страничку, надо своротить гору книг; надо из'ездить всю землю, чтоб крупным планом предстала избранная тобою земная точка.

Ведь, в конце концов, территориальные масштабы поэзии Пастернака — «дачные масштабы». Облюбованные географические пункты Э. Багрицкого — Одесса, Балта, Кунцево. Ушаков верен Киеву. Значит ли это, что они «маленькие, провинциальные» поэты?...

Вернемся к критикам. Верность одного критика одному писателю продиктована не органическими, а чисто внешними признаками. Критик обязан в равной степени оценить и книгу о черноморских штормах, и о Кузнецком металлургическом заводе, потому что и там и здесь он применяет не эмоциональный критерий, как поэт, а критерий иного порядка: научный, политический, литературоведческий.

2

Похвала критика, усиленное внимание критика может вызвать поэта к жизни или погубить его. В шаблонной литературе: «Яд славы» заключена правильная мысль.

Главное здесь — дозировка. У некоторых критиков нет этого чувства дозы, чувства такта. Это сказывается на ряде поэтов.

Если критики любят кого-нибудь, то любят, как обезьяны, которые (по Брэму) душат в об'ятиях своих детей, так неотразимо-страстны эти об'ятия.

По неизвестным причинам некоторые критики в отношении некоторых поэтов применяют преждевременный принцип коммунизма, распределяя блага славы и внимания «по потребностям»; другие же не получают даже по способностям.

3

Чудесно выдуманное Мих. Пришвиным на одном из пленумов Оргкомитета слово: **сорадоваться** так и осталось по сей день только чудесной выдумкой.

А между тем надо испытывать «сорадование» когда слышишь новые стихи М. Голодного, последние стихи о гражданской войне И. Уткина, Адалис, Вл. Луговского, Гусева, Асеева, (его стихотворение о Кузнецке). Надо писать о каждом новом стихотворении до выхода в свет сборника. Это труднее—писать об одном стихотворении, но и почетнее, так как самый факт взрыва ассоциаций, самозажигания от одной строфы, от одной строки предполагает у критика большую культуру, его сопоэтическую наэлектризованность. Я приветствую тов. Шевцова, напечатавшего в «Молодой гвардии» стихотворение «У мавзолея». Раскройте знаменитых «Английских поэтов» в переводе Н Гербеля. Там напечатано единственное произведение Чарльза Вольфа—небольшое стихотворение «На погребение сэра Джона Мура», снискавшее его автору заслуженную вековую славу, вошедшее во все хрестоматии и сборники Англии.

Гипертрофированное внимание к молодым поэтам, за счет ослабленного внимания к существующим кадрам, бывает порою комично, да и ненужно. Вызревание поэта — процесс сложный и длительный. Излишне — посадив дерево, ежеминутно подбегать к месту посадки, смотреть, ощупывать: не выросло ли? Нет спору, оно нуждается в уходе человека, но не до бесчувствия. Дереву тоже хочется иногда побыть одному!

Поэты, имена которых я выше назвал, и я — независимо от наших масштабов — принадлежим, за редким исключением, к одному поколению поэтов. Оно еще не сказало всего, что призвано сказать. Да и сказанное нами еще далеко от полного совершенства. Между тем раздаются голоса, причисляющие нас, без ведома и согласия, к непривлекательно-почетным кадрам «сформировавшихся» поэтов. Это по меньшей мере странно! Ведь творческий процесс наш, т. е. безостановочный процесс формирования еще не прекратился...

Мысль Уткина о необходимости замены термина «смена кадров» термином «пополнение кадров» — правильная мысль. Вот я написал эти строки и задумался: не вычеркнуть ли?.. Кое-кто может заподозреть здесь сговоренность, «групповщину».. Предупреждаю, и тени «группировки» здесь нет. Просто хорошая мысль!

Вот это тоже наша дурная черта—читать между строк, искать подразумеваемое там, где оно начисто отсутствует, и прозевывать в тех случаях, где побочный смысл вопит из каждого типографского знака...

Что дала мне литературная критика? Мало, очень мало.

Первая статья о моей первой «Книге стихов», появившаяся в «На литпосту», была поручена неизвестному лицу с фамилией Родзянко, который приписывал мне не больше, не меньше, как «смыкание с Шульгиным» Можете себе представить, как я чувствовал себя, очутившись между двумя деятелями Государственной думы (критик Родзянко и «сомкнутый со мною» Шульгин).

Книга моя, по мнению критика, наносила читателю особенный вред именно потому, что «не лишена была поэтических достоинств», так как, благодаря им «мелкобуржуазный яд» ее еще прочнее оседал в сознании читателя. (Диалектика!!). В таком же духе были другие статьи. Хочется отметить хорошую внимательную статью Н. Оружейникова, заметку М. Левидова, редакционную статью «Литературной газеты».

Я особо благодарен А. Фадееву за его правильные высказывания в одной из статей

В годы поворота литературной общественности к строю национального творчества народов СССР, я, наряду с другими поэтами, немало поработал как переводчик. В ряде журналов появились мои переводы крупных произведений зарубежных поэтов: Квитко, Маркиша, Харика.

В ряд «переводов» вышла моя маленькая антология. Где оценка этой работы (не работа ли копирование подлинника, а сотворчество), кроме случайных обмолвок, случайных рецензий? Где оценка работ П. Антокольского, М. Зенкевича, С. Олендера, Бродского и др.?

Где знатоки этого древнего искусства поэтического перевода, имеющего в России таких великанов, как В. Жуковский, таких мастеров, как Мей, Бенедиктов, Ходасевич, Чуковский?

Где вообще оценка поэтической продукции народов СССР?

У нас стало модным «сменять» кадры через каждые два года. Советской власти 17 лет, а советских поэтов успели уже разделить на «четыре» поколения.

Темы гражданской войны!

Некоторые склонны называть их в настоящее время перепевами. Надо бороться с этой вполне отчетливой идеологией. Смежная область искусства («Чапаев») показала, что сейчас, как никогда, созрело время для воплощения темы фронта в художественных произведениях. Это не только темы фронта — это темы нашего детства, нашей молодости, любви, старости и смерти.

Основная причина недостатков некоторых критиков — отсутствие литературного вкуса. Можно назвать имена, незаслуженно возвеличенные только по этой причине и, наоборот, я знаю поэтов, окруженных круговой порукой равнодушия. Это пагубно влияет на последних.

Я говорю «некоторые критики» сознательно, так как нельзя все эти обвинения инкриминировать всему критическому нашему фронту. Есть люди большой культуры, бережного отношения к слову.

Как никогда сейчас назрела необходимость в «переоценке ценностей» в поэзии. Я думаю, что выражу волю поэтов, если скажу, что мы требуем от критиков равенства в понимании специфики стиха, «тайн слова», любви к слову.

Счет поэтам должна пред'явить и критика. Она будет права, если потребует максимального напряжения всех сил в поисках совершенного содержания и формы, достойных нашей великой страны, нашего прекрасного читателя. Она будет права, если заявит, что за дело свое поэт отвечает всей своей жизнью, но, мне кажется, всякий честный советский поэт уже решил для себя эти вопросы и в меру сил своих, с помощью подлинной советской критики их выполнит с честью

ОСИП КОЛЫЧЕВ.

* Обычно забота поэта распространяется не на одного, а на многих начинающих. Например: в недалеком прошлом дом Эдуарда Багрицкого—своеобразный литвуз.

О ПРИГОВОРЕ

ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СОЮЗА ССР

по делу ЗИНОВЬЕВА Г. Е., ЕВДОКИМОВА Г. Е., ГЕРТИКА А. М. и др.

15—16 января с. г. в г. Ленинграде Выездная Сессия Военной Коллегии Верхсуда Союза ССР, под председательством В. В. УЛЬРИХ, в составе членов Коллегии И. О. МАТУЛЕВИЧА и А. Д. ГОРЯЧЕВА, рассмотрела дело по обвинению ЗИНОВЬЕВА Г. Е., ЕВДОКИМОВА Г. Е., ГЕРТИКА А. М., БАКАЕВА И. П., КУКЛИНА А. С., КАМЕНЕВА Л. Б., ШАРОВА Я. В., ФЕДОРОВА Г. Ф., ГОРШЕНИНА И. С., ПЕРИМОВА А. В. ТАРАСОВА И. И., ФАЙВИЛОВИЧА Л. Я., ГЕРЦБЕРГА А. В., ГЕССЕН С. М., САХОВА Б. Н., БАШКИРОВА А. Ф., ЦАРЬКОВА Н. А., БРАВО Б. Л. и АНИШЕВА А. И., в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Данными судебного следствия и признаниями самих обвиняемых было установлено существование в г. Москве вплоть до дня ареста подпольной контрреволюционной группы, образовавшейся из числа участников антисоветской зиновьевской оппозиции, во главе с т. н. «Московским центром», в который входили ЗИНОВЬЕВ Г. Е., ШАРОВ Я. В., КУКЛИН А. С., ЕВДОКИМОВ Г. Е., ГЕРТИК А. М., БАКАЕВ И. П., КАМЕНЕВ Л. Б., ФЕДОРОВ Г. Ф. и ГОРШЕНИН И. С.

Суд установил, что под руководством, т. н. «Московского центра» действовала и подпольная контрреволюционная ленинградская группа во главе с так называемым «Ленинградским центром», главные участники которого осуждены Военной Коллегией Верхсуда Союза ССР 28—29 декабря 1934 года по делу об убийстве 1 декабря 1934 года в гор. Ленинграде члена Президиума ЦИК Союза ССР, члена Политбюро и Секретаря ЦК и ЛК ВКП(б) тов. С. М. КИРОВА.

Суд допросил в качестве свидетелей ряд лиц из числа участников этой к.-р. группы, дела о которых были выделены и направлены на доследование.

Все эти лица (САФАРОВ, ЭЛЬКОВИЧ) сообщили суду многочисленные факты о подпольной контрреволюционной деятельности «Московского центра» и, в частности, ЗИНОВЬЕВА, ГЕРТИКА, КУКЛИНА, ЕВДОКИМОВА и других. Эти же лица подтвердили многочисленные попытки «Московского центра» организовать в разное время контрреволюционный блок с различными антисоветскими группами, в целях развернутой борьбы против Советской власти.

Судебное следствие не установило фактов, которые дали бы основание квалифицировать преступления членов «Московского центра» в связи с убийством 1 декабря 1934 года тов. С. М. Кирова, как подстрекательство к этому гнусному преступлению, однако следствие полностью подтвердило, что участники контрреволюционного «Московского центра» знали о террористических настроениях ленинградской группы и сами разжигали эти настроения.

Все обвиняемые по настоящему делу полностью признали себя виновными по пред'явленным им обвинениям.

Руководствуясь постановлением ЦИК Союза ССР от 1 декабря 1934 года Военная Коллегия Верхсуда Союза ССР ПРИГОВОРИЛА:

1. ЗИНОВЬЕВА Г. Е., как главного организатора и наиболее активного руководителя подпольной контрреволюционной группы «Московского центра» к тюремному заключению на 10 лет.

2. ГЕРТИКА А. М., 3. КУКЛИНА А. С., и 4. САХОВА Б. Н.,—как наиболее активных участников контрреволюционной подпольной группы зиновьевцев — к тюремному заключению на 10 лет каждого.

5. ШАРОВА Я. В., 6. ЕВДОКИМОВА Г. Е., 7. БАКАЕВА И. П., 8. ГОРШЕНИНА И. С. и 9. ЦАРЬКОВА Н. А. — за активное участие в указанной выше подпольной контрреволюционной группе — к тюремному заключению на 8 лет каждого.

10. ФЕДОРОВА Г. Ф., 11. ГЕРЦБЕРГА А В., 12. ГЕССЕНА С. М., 13. ТАРАСОВА И. И., 14. ПЕРИМОВА А. В., 15. АНИШЕВА А. И. и 16. ФАЙВИЛОВИЧА Л. Я. — за участие в указанной выше группе — к тюремному заключению на 6 лет каждого.

17. КАМЕНЕВА Л. Б., 18. БАШКИРОВА А. Ф. и 19. БРАВО Б. Л. — как менее активных участников указанной выше группы — к тюремному заключению на 5 лет каждого.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, суд постановил конфисковать.

(ТАСС).

В НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

Особым Совещанием при Народном Комиссариате Внутренних Дел Союза ССР — по делу об участниках контрреволюционной зиновьевской группы принято следующее постановление:

Приговорены к заключению в концентрационные лагеря на сроки от 4 до 5 лет следующие лица: Наумов И. К., Залуцкий П. А., Вардин-Мгеладзе И. В., Костина А. П., Дмитриев Т. Д., Виноградов В. А., Северов П. П., Зильберман А. И., Рэм М. С., Ширяев Д. Н., Коршунов Е. К., Исаев Г. И., Поташников Г. П., Бак П. А., Муравьев М. В., Фалин Ф. Ф., Попов Г. Ф., Булах В. С., Александров А. И., Зеликсон И. Н., Сердин Н. А., Богомольный Я. И., Жестянников И Г., Миронов Г. И., Воробьев С. Н., Левин М. А., Муштаков А. А., Середохин А. К., Лукин В. Г., Наливайко Ф. Г., Тартаковская Ю Б., Васильева Р. Р., Бурмистров П. И., Надель М. Я., Горбачев Г. Е., Натансон М. Я., Ермолаева Е. Ф., Рогачева Е. В., Васильев Г. В., Пантюхин В. А., Пантюхина А. В., Пуштарев И. Я., Боровичков И М., Емельянов К. Н., Емельянов А. Н., Логинов П. П., Гайдерова З. П., Горбачев И. П., Дрязгов Г. М.

Приговорены к ссылке в различные пункты на сроки от 2 до 5 лет: Роцкан П. Э., Минаев С. П., Поздеева М. В., Равич С. Н., Дмитриев Н. А., Шварц Г. И., Цейтлин Я. С., Бродский В. А., Панфилов М. С., Оладейников П. К., Панов А. Н., Магдарьев Н. К., Соловьев К. С., Матвеев В П., Егоров С. Н., Тимофеев Е. Т., Цунский К. А., Харитонов А. А, Татаров И. Л., Сорокин В. А., Кострицкий И. С., Антипова А. А., Короткова Е. Г., Юскина А. Я., Касперский И. Ф., Зейт Ф. Г., Николаева М. Т., Николаева-Максимова А. А., Сафаров Г. И.

(ТАСС).

ЧТО Я ЖДУ ОТ КРИТИКИ

Беседа с консультантом-библиографом Всесоюзной библиотеки им. Ленина М. А. Дунаевой

— С литературной критикой в силу моих профессиональных обязанностей мне приходится иметь дело ежедневно. Каждый день я просматриваю всю книжную продукцию советских издательств, расписываю по определенным рубрикам критические статьи, помещенные в газетах и журналах.

Помогает ли мне критика в работе?

Конечно, да. Она прежде всего дает мне определенные установки и более или менее полное представление о текущей литературной жизни. Ясно, что не всякая статья полностью удовлетворяет меня. Нередко бывает, что рецензии на одну и ту же книгу противоречат друг другу. В этом случае, просматривая ту или иную статью, обращаешь внимание на имя автора ее, на орган, в котором она напечатана.

Большую помощь в работе оказывает мне бюллетень Критико-библиографического института «Художественная литература», который дает рецензии почти на все произведения художественной литературы. Этим он очень помогает всем библиотекарям как при комплектовании библиотеки, так и вообще в текущей работе. Но рецензии «Художественной литературы» имеют следующий существенный недостаток: они часто написаны штамповано, в них не ощущается индивидуального подхода рецензента к книге.

Много помогает в работе и «Литературный критик». Но минусом некоторых статей, напечатанных в нем, является недостаточная их конкретность. Мне не всегда удается установить тематику этих статей. Поэтому я некоторые статьи заношу в рубрику «статей по общим вопросам».

Современная критика имеет много положительного. В большинстве критических статей, просматриваемых мной, дается оценка эпохи, анализ классовой направленности произведения, об'ясняющий целый ряд противоречий, которые не могли быть об'яснены прежней критикой. Но не все и не всегда достаточно удовлетворительно делают это. Иногда в этом вопросе перегибается палка, иногда критик ограничивается голым социологизированием, не давая углубленного всестороннего анализа вещи.

Чего я жду от критики? Мне, как читателю и как работнику библиотеки, хочется получить в статье анализ творчества писателя, освещение эпохи, в которой он жил. Критика, по-моему, должна быть конкретной. Все теоретические положения необходимо конкретизировать примерами.

К недостаткам критики и не только критики, но и современного литературоведения, нужно отнести отсутствие общих курсов по истории литературы. Читатель пред'являет громадные требования на них. Он просит: «Дайте нам одну книгу, в которой мы бы нашли описание целой эпохи, целого литературного направления». У нас же таких книг нет.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРИТЕТЕ

В практической работе библиотекаря с художественной книгой особенно остро ощущается недостаток критической литературы, помогающей ориентироваться в творчестве советских писателей. Очень мало книг-монографий. Только за последнее время начинают появляться работы о творчестве отдельных писателей. Что касается газетных и журнальных статей, то они часто запаздывают. Приходится работать с книгой, мнение о которой составляешь только на основе собственного опыта или базируясь на мнении, выработанном при обсуждении книги в библиотечном коллекторе. Кроме того, далеко не все книги получают критическую оценку. Библиотекарь не всегда имеет возможность читать всю выходящую художественную литературу, иногда хорошая, развернутая рецензия может заменить чтение произведения, но часто бывает, что книги менее известных писателей оценки так и не получают.

Еще мне хочется сказать несколько слов об авторитете советской критики. Среди современных советских критиков нет ни одного, которому бы я безусловно доверяла, нет ни одного, за статьями которого интересно было бы следить систематически. Исключение конечно составляют статьи А. М. Горького и некоторых непрофессиональных критиков.

Старший работник по художественной литературе библиотеки завода № 1 А. БЕКМАН.

ЖИЗНЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА ПОД ПЕРОМ ВРАГА РАБОЧЕГО КЛАССА

Подлые, грязные руки, направлявшие револьвер в пролетарского вождя, тянулись и тянутся и к идеологическому оружию. Разгромленные и разбитые в открытом политическом бою, жалкие охвостья антипартийных групп устремлялись и устремляются на боковые тропинки, пытаясь отсюда вести свою черную «работу»,— так в частности устремлялись они в область художественной литературы.

Особо большую и активную «деятельность» в литературе за последнее время развил Каменев. Стоит с подлинно революционной бдительностью и зоркостью приглядеться к последним каменевским экскурсиям в «тихую», «мирную», «отдаленную» от шума сегодняшних политических боев область истории литературы, чтобы увидеть, что за частоколом профессорских, зарифмованных академической терминологией, выкладок и рассуждений скрывается попытка снова протащить старый троцкистско-зиновьевский идеологический хлам. Такова последняя недавно вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга Каменева о Чернышевском. Она посвящена «анализу» социально-политических, философских и эстетических взглядов Чернышевского и описанию его замечательной жизни.

Известно, как высоко ценил Чернышевского Ленин. «Великий социалист домарксова периода», «величайший представитель утопического социализма в России»,—так неоднократно характеризовал Ленин Чернышевского — идеолога русско-крестьянской революции середины XIX века. Ленин высоко ценил в Чернышевском его революционный «мужицкий демократизм», направленный против крепостничества. Его программа, программа крестьянской, по своему содержанию буржуазно-**демократической** революции, программа протеста и борьбы против крепостного строя и буржуазности с точки зрения крестьянина,— мелкого производителя. Каменев это усвоил и так именно как-будто характеризует Чернышевского. Но зачем, оказывается, Каменеву нужна ленинская оценка идеолога революционно-демократического народничества?

Вчитываясь в каменевскую книгу, вы видите, что, как ее основной мотив, как ее стержень, как ее основную ведущую тенденцию, Каменев всевозможными ухищрениями и уловками проводит свою убогую теорийку о Ленине, как о продолжателе только, а в лучшем случае завершителе идей, традиций, учений, созданных Чернышевским; убогую теорийку о ленинизме, как о продолжении,— а в лучшем случае — завершении идей революционно-демократического народничества. «Именно Чернышевский,— пишет Каменев,— **создал в русской политической жизни ту традицию беспощадного отношения к либеральному реформаторству на всех стадиях революционного процесса, которая полнее всего и ярче всего выразилась в политике Ленина».** Еще: «Трудно было в царской подцензурной печати сказать яснее: историю движет революция, прогресс творят революции... Только через 45 лет после того, как были написаны эти строки Чернышевским, другой русский «публицист» (т. е. Ленин.—**И. Н.**) вскрыл, развернул до конца, наполнил конкретным содержанием гениальные намеки и догадки Чернышевского». И дальше Каменев говорит, что Ленин лишь завершил ту борьбу с апологетами «мирного» развития, которую начал на русской почве Чернышевский.

По Каменеву ленинизм, освободив программу Чернышевского от утопических черт... «Сумел воплотить **ее** (подчеркнуто мной. — **И. Н.**) в жизнь». Даже освобождение трудящихся масс России от влияния либерально-буржуазной идеологии, которое, как пишет Каменев, «являлось необходимым предварительным условием победы Октябрьской революции, было начато Чернышевским». «Теоретическая мысль Чернышевского, — писал Каменев, — нашла свое завершение в той теории, которая осмыслила эти революции (т. е. три революции XX века—**И. Н.**),—теории и практики коммунизма».

Каменев пишет, что Ленин «применил марксизм к русским условиям».

Так, прячась за Чернышевского, пытается Каменев фальсифицировать, извратить, принизить подлинную роль Ленина, как вождя, и ленинизм, как идеологию **пролетарской революции.**

Каменев пишет о «поразительной, непревзойденной и до сих пор по своей точности, четкости, ясности, простоте, сжатости и убедительности, критике Чернышевским освобождения крестьян в 1861 году». Непревзойденной до сих пор! Будто не было и нет вовсе замечательных по глубине анализа работ Ленина о крестьянской, по своему содержанию буржуазно-демократической революции в России, в которых именно Ленин, как вождь и идеолог пролетарской социалистической революции смог вскрыть, — и вскрыл, — крепостническое, грабительское в отношении крестьян существо реформы 1861 года.

Итак, Чернышевский, идеолог крестьянской революции в России отвергал реформистские пути развития **так же,** как впоследствии большевики; итак, Чернышевский в качестве идеолога крестьянской революции создал антилибералистские традиции, в отношении которых Ленин выступил лишь их выразителем: итак, теория коммунизма и партийный вождь пролетариата Ленин являются лишь завершителями идеологии крестьянской революции: итак Ленин применил Маркса к русским условиям крестьянской отсталой страны, а в понимании узловых моментов русского исторического процесса не поднялся и до Чернышевского!

Известна классическая формулировка тов. Сталина, писавшего: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности».

Товарищ Сталин в «К вопросам ленинизма» разоблачил попытку Зиновьева ввести «в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер» как жалкую попытку превращения ленинизма «из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности», жалкую попытку зиновьевцев, игравшую на-руку Бауэрам и Каутским, отрицавшим ленинизм как интернациональное учение пролетариев всех стран.

Достаточно очевидна новая попытка Каменева издалека истории литературы, с боковых путей «жизнеописания замечательных людей», при помощи насквозь фальшивых аналогий и параллелей, отвлеченных от разных конкретно-исторических эпох, «воспроизвести» разбитую троцкистско-зиновьевскую легенду о русском, национально-ограниченном «крестьянском характере» ленинизма.

★

Кое-кто и в наших рядах восторгался этой книгой, в которой Каменев, под флагом жизнеописания Чернышевского, борется с ленинизмом со старых, троцкистско-зиновьевских позиций.

Не ясно ли, что мы сталкиваемся здесь с антиленинскими «художествами», что каменевская «серьезная наука» снова оказывается блудливой наукой борьбы против ленинизма?!

Классовая борьба и в области литературы не кончена, проходя на новом этапе в более скрытых формах и новой маскировке.

Необходимо усиление революционной бдительности и на литературном участке идеологического фронта, как-бы беззаботно ни мечтали иные литераторы о «голубом небе», о «безбурном и тихом море эстетики».

И. НОВИЧ.

ПО ЖУРНАЛАМ ЗАПАДА

1. **«Коммюн».** Ежемесячник французской ассоциации революционных писателей растет вместе с самой ассоциацией. Книжки журнала — волнующие книжки, такие, каких обычно с нетерпением ждут читатели. И мы ждем этих книжек, потому что с этих страниц доносится до нас шум голосов там, в далеких залах «Мютиалите» и «Белье», где тысячные митинги революционной интеллигенции подымают свой голос против войны и фашизма.

В декабрьской книжке «Коммюн» не столь примечательны статьи, рассказы, хорошие обзоры, как последние несколько нетитных страничек. Это переписка «Коммюн» с ее читателями. Кто такой обычный читатель обычного французского литературного журнала? Литератор-профессионал или же сноб, считающий себя литературоведом. Левым литературным журналом бывает особенно трудно найти себе читательскую аудиторию вне своего замкнутого маленького кружка. В условиях буржуазной страны пробить эту брешь интеллигентской кружковщины и найти другую, рабочую аудиторию бывает нелегко. Тысячи рогаток отделяют рабочего от литературы. Именно эти трудности пути «от писателя к читателю» нашли отклик в большинстве писательских ответов на анкету «Коммюн»: «Для кого вы пишете?»

И все же «Коммюн» удалось пробить эту брешь, ей удалось установить контакт с рабочим-читателем.

В письмах в редакцию рабочие-читатели требуют от редакции многого, подчас непосильного молодому литературному журналу. Рабочий-читатель хочет, чтобы его ознакомили с лучшими произведениями классической и современной литературы; чтобы ему дали указатель марксистских критических книг, чтобы на страницах «Коммюн» появились рабочие корреспонденты и работы пролетарских писателей; чтобы иллюстрации и статьи об искусстве оживили колонки журнала; чтобы журнал стал журналом, посвященным не только вопросам литературы, но вопросам культуры в целом.

Рабочие хотят «открыть» литературу, так же, как они открыли теперь ряд писателей, переход которых в лагерь революции сделал их известными широким массам. Вот характерные строки из письма рабочего-железнодорожника об Андре Жиде:

«Вот писатель, который еще несколько лет назад был почти что неизвестен большинству трудящихся. Его безоговорочное признание русской революции и коммунизма сделало его в наших глазах фигурой весьма симпатичной. Я желал бы, чтобы «Коммюн» помещала статьи о писателях прошлого и о писателях современных, равно как и о классиках. **Сколько есть еще хороших вещей, которые следовало бы знать».**

Этот рабочий-читатель выразил в нескольких строках то, что именно и должно являться стержнем революционного литературного журнала, что одно может оправдать его существование.

2. «Коммюн» регулярно информирует читателей о митингах и собраниях революционной интеллигенции, направленных против войны и фашизма. В декабрьской книжке мы находим наряду с другими отчетами и отчет о митинге в зале «Мютиалите», на котором председательствовал видный французский литератор Гальтье-Буассиер, издатель ежемесячного журнала **«Крапуйо»** и редактор известной сатирической газеты **«Канар аншене»** («Утка в цепях»). Мы всегда готовы приветствовать новых людей, примыкающих к широкому антифашисткому фронту, тем более, что «Канар аншене» является, несомненно, лучшим сатирическим журналом Франции, создавшим целую школу блестящих карикатуристов, а «Крапуйо»—оригинальным типом иллюстрированного журнала, давшего в течение ряда лет несколько любопытных монографий (в частности «Историю французской прессы»).

Однако выступление Гальтье-Буассиера на этом митинге было проникнуто несколько странными и своеобразными мыслями. Он сравнивает будущую войну с извержением вулкана, с страшной железнодорожной катастрофой, т. е. с чем-то стихийным. О стихийности будущей войны говорить во всяком случае совсем несвоевременно: г. Гальтье-Буассиеру, известному знатоку по вопросам вооружений, это, конечно, следовало бы знать. Мы, впрочем, не упоминали бы об этой части выступления Гальтье-Буассиера, тем более, что в дальнейшем он высказал целый ряд правильных и трезвых мыслей, если бы перед нами не лежал декабрьский номер издаваемого им журнала «Крапуйо».

Как и полагается, декабрьский номер содержит итоговый материал за истекший 1934 год. И вот, в передовой статье мы находим «глубокие мысли», относящиеся к СССР, вроде той, что «Днепрострой для России не будет более полезен, чем патефон в руках мужика»

Эти «мысли» высказываются примерно в то же время, как редактор журнала выступает с трибуны зала «Мютиалите» с призывами к борьбе против войны и фашизма, когда он выступает рядом с писателями коммунистами и революционерами.

Как назвать эту своеобразную «гибкость»?.

★

3. Но независимо от этих истинных или мнимых союзников, борьба французской антифашистской интеллигенции продолжается. И французские писатели Барбюсс, Жид, Мальро, Маргерит отдают этой борьбе все свои силы, весь талант своего пера. И естественна поэтому та ненависть, которой эти выступления встречаются в правых кругах. После нападок со стороны ежедневной прессы за дело взялись сатирические журналы.

Ветеран французской сатиры (ее нечистоплотной части) **«Рир»** посвящает этим писателям часть своего номера от 1 декабря.

За долгие годы своего существования «Рир» продавал свою довольно беззубую сатиру направо и налево. Начав с каких-то темных комбинаций во время англо-бурской войны, он потратил много лет на натравливание французов на «бошей» с тем, чтобы сегодня, открыто став фашистским, требовать режима «железной руки». Живя за счет об'явлений публичных домов и издателей порнографических открыток и с дотацией из полицейских источников, «Рир» не стесняется заявлять в измышленных интервью о том, что «коммунизм Барбюса, Жида, Мальро, Маргерита вызван соображениями дохода».

Бедная сатира веселого Парижа, разве у тебя не осталось других сюжетов, или одни об'явления публичных домов перестали кормить?

Нам случалось уже указывать на страницах «Литературной газеты», что как раз порнографические и полупорнографические журналы Франции («Вю Парижьен») честно служат французскому фашизму, «Рир» — новый пример этого использования «фашистской мыслью» порнографических и полицейских журналов.

★

4. Ежемесячный журнал на немецком языке **«Нейе Дейтше Блеттер»** был основан в прошлом году в Праге Виляндом Герцфельде как орган немецкой критики и литературы в эмиграции.

Это свое назначение журнал, однако, оправдывал далеко не всегда. В особенности в последних тетрадях мы не находим главного — полной картины литературной деятельности немецкой эмиграции, а что еще важнее — мы почти не видели и отражения литературы в гитлеровской Германии. Январская тетрадь журнала, невосполняя второго пробела, дает зато довольно богатый рецензионный материал о немецких книгах, вышедших за пределами Германии.

В журнале помещен отрывок из вышедшей на английском языке книги Лео Ланиа «Обетованная земля». Книга эта характерна, как потребность для немецкого писателя-еврея все возвращаться к одной и той же наболевшей теме — о немецком еврействе.

Этой темы касаются писатели различных лагерей и в разных формах; после «Оппенгеймов» мы находим эту же тематику у Ланиа и у Толлера, в его только что вышедшей автобиографической книге «Юность в Германии».

Писатель старается разобраться на примере собственных воспоминаний, собственных переживаний в той проблеме, которая стала сегодня настолько «модной».

И если находится немало немецких эмигрантов-евреев, которые готовы искать причины своих «несчастий» в якобы недостаточном патриотизме немецких евреев (другие ищут их в излишнем патриотизме), то для Толлера, Ланиа и других эти переживания далекого детства на польско-немецких окраинах, омраченные национальной враждой и натравливанием поляков на евреев и евреев на поляков, были первыми уроками приведшими их на путь революции. Поэтому интересны и поучительны эти книги, показывающие путь, по которому прошел художник, формирующийся в революционера.

Мы не касаемся целого ряда других книг, упоминаемых «Нейе Дейтше Блеттер», — мы это сделаем на страницах «Литературной газеты» в другой раз.

Хотелось бы только упомянуть о заметке, касающейся новой работы немецкого литератора Валериу Марку.

Работа эта называется «Законы о социалистах в императорской Германии» и печатается в немецком эмигрантском журнале «Ди Эммунг», издающемся Клаузом Манном.

Эта «работа» достойна внимания, так как она завершает обычный путь ренегата и проходимца, выдававшего себя некогда за коммуниста, ставшего потом социал-демократом, затем просто демократом и немецким эмигрантом с тем, чтобы теперь открыто перейти к фашизму, постаравшись «теоретически» обосновать... что не Маркс, не Энгельс, не социалистическое движение оказали реальную помощь германскому рабочему классу, а... Бисмарк, проведший известный закон о социальном страховании. После долгих извращений истории и фактов Марку высказывает основную «мысль»: страхование на случай безработицы оплачивается «государством», следовательно реально помогает рабочим именно «государство». Такие мысли мы слышали неоднократно от теоретиков национал-социалистического «рабочего фронта», и мы не сомневаемся, что, восхваляя Бисмарка, Марку думает попросту о Гитлере...

Спрашивается, что держит Марку в эмиграции и как может Клаус Манн печатать подобные произведения в журнале, в котором печатаются Толлер и ряд других революционных писателей?

АЛ. ГРАН

КНИЖНАЯ ВИТРИНА

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ЗАКГИЗА

◆ Вышла из печати книга И. Ниношвили «Джанки Гурдиани», повесть из истории революционного восстания в Гурии в 1841 году.

◆ На-днях выходит из печати роман А. Ширвазаде «Намус», в переводе Б. Корнеева и художественном оформлении С. Кобуладзе.

◆ Печатается сборник избранных произведений В. Барнова—«Гордость цеха». Издание иллюстрирует художник А. Бажбеук-Меликов.

◆ Вышла из печати книга стихов и поэм народного поэта Грузии Галактиона Табидзе. Это второе издание значительно дополнено новыми переводами.

◆ Сдана в печать книга стихов Самеда Вургуна. В сборник входят поэмы: «Лок-Батан», «Комсомол» и лирические стихотворения последних лет.

◆ Вышло из печати на русском языке посмертное издание избранных произведений Нар-Доса. В книгу вошли: «Подстреленная голубка», «Один из тяжелых дней», «Последние могиканы» и др.

КНИГИ

Мимо Приморья

В отличие от «Дальневосточных рассказов» Б. Лапина и З. Хапревина, которые в силу своей тематической особенности берут Дальний Восток в международной обстановке, одноименная книга С. Кац и Г. Травина имеет в виду более узкий об'ект: советское Приморье.

После замечательной книги об Уссурийской тайге В. К. Арсеньева, возникшей в 1907 г. на материале четырех дневников (одного общего и трех специальных), изо дня в день велившихся в течение многих лет автором, — перед нашими писателями встает задача художественно сформулировать сегодняшнее Приморье и показать, под знаком какой именно культуры переделывается и развивается этот край.

Кац и Травин смотрят на природу Приморья с точки зрения интересов социалистического хозяйства, но смотрят как-то по-бухгалтерски, по-регистраторски. Они пробуют изображать сегодняшних строителей края, переделывающих его трудом, а не мечом, но заразить читателя энтузиазмом этих строителей не в состоянии: слишком примитивны их художественные средства. Они набрасываются на разнообразные производственные об'екты края, но не умеют по-настоящему показать ни одного из них. Они отчитываются, а не живописуют, регистрируют, а не дают край изнутри.

Каждый рассказ начинается с напряженных и старательно выписанных фраз о производстве (что делает их схожими с чистописанием) и затем переходит на диалог. Авторы пытаются воспроизводить героя через разговор, но так как разговор этот наивно-натуралистичен, литературного портрета героя не получается. Или же получается нечто прямо противоположное заданию. Так, например, через однообразное повторение слова: «переделаем», — зоотехник Рудлит превращается в тупого и скучного человека.

Книжка не только стилистически пестра, но и жанрово-неоднородна. Частью — это очерки весьма невысокого уровня, частью — рассказы с выдуманным сюжетом, но все дело в том, что свести то и другое в одну художественную систему невозможно. И в результате — каждая вещь живет в книжке своей отдельной жизнью, без общей связи, а сама книжка о советском Приморье проходит мимо этого Приморья.

П. Н—МОВ

С. Кац и Г. Травин. «Дальневосточные рассказы», Молодая гвардия, М. 1934.

„Кара-Кум"

Все значительное, что происходит в нашей стране, делается достоянием наших ребят. С особенной наглядностью это проявляется в огромном разнообразии жанров нашей детской литературы, которая всеми возможными художественными средствами доносит до детей углубленный смысл замечательных событий нашей большой повседневности.

Но значит ли это, что при полной свободе в выборе жанра писатель может иной раз снять с себя обязанность творческого обобщения тех

фактов, о которых он рассказывает? Конечно нет, ибо без подобного обобщения самый живой и занимательный материал утратит очень большую долю своей действенности и своего познавательного значения.

Это и случилось с книгой С. Урниса, изданной Детгиз.

В ней очень просто, живо и непринужденно рассказывается об автомобильном пробеге Москва—Кара-Кум—Москва. В ней есть яркие странички, в ней найдена правильная интонация, опирающаяся на непосредственные впечатления участника пробега, в ней хорошо построена завязка этого бесфабульного репортажа, оставляющая маленького читателя в обществе Алеши, племянника автора, над картой — следить за этапами пробега и тем самым как бы принимать участие в его эпизодах. Короче говоря, в ней есть ряд несомненных достоинств, в силу которых эта, предназначенная для младшего возраста, книга будет с интересом прочитана и детьми среднего возраста.

Но тем не менее весь ее материал в целом остался творчески недоработанным.

Разбитая на коротенькие эпизоды, она находит свое единство всего только в их хронологическом чередовании, а не во внутренней нарастающей последовательности. Одни из них могут поменяться местами с другими, некоторые могут быть совсем выпущены — и все это без всякого ущерба для стройности книги. Писателю, давшему живую сумму своих впечатлений от пробега, не удалось воплотить эту замечательную большевистскую победу в динамике материала, восходящего по единой кривой. Поэтому-то скомкан конец книги и поэтому-то ее отдельные, драматические по содержанию, эпизоды порой совершенно «не звучат».

Книга издана в очень тщательном оформлении — с обилием интересных фотографий. И все же их подбор недостаточно равноценен, а их пассивная, подчиненная тексту роль слишком очевидна, чтобы ее в целом можно было бы рассматривать, как вполне удачное разрешение жанра фотокнижки.

Г. Х.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ 1905 ГОДА

Еще задолго до революции 1905 г., с самого своего зарождения, партийно-политическая поэзия рабочего класса звала массы к организованной борьбе против самодержавия и капитализма.

Когда же наступила самая революция, пролетарские поэты сразу же отметили ее начало целым рядом стихотворений, откликнувшись на кровавые события 9 января. «Кровавому воскресению» пролетарские поэты эпохи первой революции посвятили множество своих произведений. О 9 января писали под непосредственным впечатлением этого исторического дня и в первую его годовщину и партийные работники-поэты и рядовые рабочие стихотворцы. И во всех произведениях этих поэтов, начиная от стихотворений А. В. Луначарского и профессиональных поэтов революции, как А. Я. Коц (переводчик «Интернационала», сотрудник зарубежных марксистских изданий и автор конфискованного царскими властями сборника стихов «Песни пролетариев») или Е. М. Тарасов и кончая стихотворениями литературно выявившихся (Н. Рыбацкий, И. Привалов) или оставшихся неизвестными рабочих поэтов, — во всех этих произведениях одинаково звучит бодрая нотка уверенности в том, что кровавые события 9 января явились сигналом к началу открытой революции.

«... Где гроза свинцовая пролилась
дождем,
Там, где кровь народная пролилась
ручьем,
Там из каждой капельки крови
и свинца
Мать земля-кормилица родила
бойца»,

так закончил свое стихотворение — «9 января» А. Я. Коц (стихотворение это, написанное непосредственно под впечатлением событий на Дворцовой площади, осталось неопубликованным и цитируется по рукописи.

«Безумный царь бесправного
народа,
Мы с просьбой больше не придем
к тебе:
Пойдем с оружием и с криками:
«Свобода»,

Сотрем тебя или умрем в борьбе»,— восклицал неизвестный автор, подписавшийся — «Рабочий» в специальной стихотворной листовке «9 января 1905 г.».

А Евг. Тарасов в стихотворении — «Возникла в глухую январскую ночь» призывал услышать клич революции, открыто звал рабочих, «отбросив терпение прочь», ответить вратам волной стачечного движения и прямой лобовой атакой:

«И клич этот громкий, как звучный
упрек,
До чутких сердец достигает.
Смолкают машины, смолкает
станок,
И север, и запад, и юг, и восток
Могучими «здесь!» отвечают.
То гром переклички звучит над
страной,
То смотр всенародной дружине.
Все дальше, все шире катится
волной
«Мы здесь!», «Мы готовы!» —
и близится бой,
И стелется дым по равнине».

Тот же мотив революционного возмездия и бодрой уверенности в торжестве революции звучит и в знаменитом, ставшем песней, стихотворении поэта — социал-демократа (партийца, работавшего в качестве пропагандиста и организатора среди молодежи) П. К. Эдиета — «На десятой версте от столицы», напечатанном в ленинской «Новой жизни». И даже в стихотворении неизвестного рабочего — «9 января» («Мы мирно стояли пред Зимним дворцом...»), записанном В. Д. Бонч-Бруевичем и неоднократно печатавшемся в большевистских изданиях («Вперед», «Голос труда») и в виде отдельных листовок, даже в этом стихотворении, чей автор еще готов был несколько идеализировать личность Гапона, мы находим революционное утверждение, что «царский урок» — 9 января «раба пробудил к свободе». Такие призывно-революционные строфы этого стихотворения, как следующие:

«И красное знамя взвилось,
как маяк,
звучат «Марсельезы» напевы,
студент бросил книгу, рабочий —
верстак,
а пахарь забросил посевы.
И ширится грозное войско,
растет,
зловеще грохочет, как море,
могучим прибоем на приступ
идет;
о, горе вам, извергам, горе!..
. . . . . .
Оставьте ученье, работу, семью,
под красное знамя идите,
и смертью отважной в жестоком
бою
народу свободу купите!»

Эти строфы являются прекрасным подтверждением слов В. И. Ленина, что «самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром. Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата «смерть или свобода!» эхом прокатывается по всей России. События 9 января всколыхнули и призвали к революционному действию и поэтическому творчеству даже отсталые слои рабочих.

Тематический диапазон пролетарской поэзии 1905 г. чрезвычайно широк. Он охватывает все крупнейшие события первой революции: и 9 января, и борьбу пролетариата с либералами и меньшевиками, и манифест 17 октября, и стачечное движение, и погромы, и декабрьское вооруженное восстание в Москве, и революционное движение во флоте и в армии, и крестьянское движение.

Дух боевой партийности пронизывает все эти произведения: стихи о либералах скорее следует назвать стихами против либералов, стихи об армии — стихами для армии, стихи о революционном крестьянстве в большинстве своем могут быть названы стихами для крестьянства.

Наиболее яркими произведениями среди множества стихотворений, бичевавших трусливое соглашательство либеральных буржуа, несомненно являлись сатирическая баллада А. В. Луначарского «Два либерала» и стихотворение Евг. Тарасова «Руки прочь». Первое из них в вымышленной беседе между двумя крупнейшими представителями буржуазного конституционализма и вождями буржуазно-помещичьего блока, Трубецким и Петрункевичем, разоблачало классовую сущность и политические вожделения либерализма, второе давало гневную отповедь либералам и отказывало им в их притязаниях на возглавление рабочей борьбы и использование ее результатов.

Баллада Луначарского была одним из лучших образцов поэтической сатиры в пролетарской поэзии, и не случайно Владимир Ильич в одной из своих статей воспользовался для определения политики либеральной буржуазии меткой характеристикой «на скидочку скидкой отвечу», взятой им из этого стихотворения. Стихотворение же Евг. Тарасова вызвало одинаковое негодование и царской цензуры, конфисковавшей его книгу — «Стихи 1903—05 гг.» и буржуазного критика А. Курсинского, заявившего в «Золотом руне» г-на Рябушинского, что Тарасову не дано быть художником переживаемого исторического этапа, ибо «в острый момент борьбы он оказался неспособным на забвение мелких партийных счетов и распрей, поэта едва ли достойных».

Революционный 1905 год помог пролетпоэзии добиться ряда неслыханных дотоле завоеваний. Жившая до 1905 г в революционном подполье пролетпоэзия впервые вышла в легальную печать. В конце 1905 г. она нашла себе место на страницах первой большевистской газеты — «Новая жизнь», а в начале 1906 г. в самом сердце царской России, в Санкт-Петербурге, появились, миновав цензуру, две книжки пролетарских поэтов: «Стихи 1903—05 гг.» Е. М. Тарасова и «Стихотворения рабочего» А. Микульчика. Из этих двух книжек несомненно наиболее примечательной и по идейно-политической насыщенности и остроте и по своим художественным качествам была книга Тарасова, об из'ятии которой царская цензура поспешила позаботиться, как только ей удалось оправиться от «потрясений» 1905—6 гг.

Первая русская революция многому научила пролетарских поэтов: баррикады декабрьских дней, кровавые зарева народных восстаний дали им возможность увидеть воочию начало великой социалистической революции и позволили внести бо́льшую конкретность в поэтические призывы к социалистической революции. Пролетарская поэзия 1905 г. имеет своим лейтмотивом идею борьбы за социализм.

«Социализм наш идеал, и мы его добудем»,—заявил еще в начале революции в своем стихотворении «9 января» А. В. Луначарский. А после баррикадных боев декабря, несмотря на временное поражение революции и торжество реакции, пролетарские поэты не забывают твердить о конечной цели пролетарской борьбы, пытаются приоткрыть в своих стихах завесу над будущим, дать смутный, еще схематичный, но ясный в своих основных линиях и очертаниях чертеж будущего социалистического общества, профиль грядущего коммунизма.

«Кончив счеты с жизнью нудной,
В страстной злобе к деспотизму,
Мы идем дорогой трудной,
К счастью всех — социализму.
И чрез море крови честной,
Горы трупов и страданий,
Яркой звездочкой небесной
Нам горит его сиянье...
. . . . . .
Но уж близок день прекрасный:
Все подымутся народы;
Грозно клич раздастся властный:
Хлеба, света и свободы!
С этим криком мир захвата
Рухнет, сгинет понемногу
И уступит без возврата
Строю новому дорогу»,

так передает песню рабочего в стихотворении «Две песни» неизвестный автор, печатавшийся в журнале «Хлеб и работа» под инициалом Н. Я.

А вот как рисует социалистическое завтра и путь к его достижению в стихотворении, написанном в тюрьме «Кресты» некто «Ш.» (стихотворение помещено в «Вестнике золотосеребренников и бронзовщиков»):

«Не для цепей, а для мечей
Мы в пекле доменных печей
Железо добываем.
Зачем же терпим кандалы?
Зачем, как вольные орлы,
На воле не летаем?
Ужели так силен наш враг,
Что эти цепи на ногах
Безропотно мы носим?
Ужель свободу предадим?
Ужель в борьбе не победим
И меч на поле бросим?
Нет, нет! Силен рабочий класс.
Живое сердце бьется в нас,
Мы встанем за свободу!
. . . . . .
Тогда бежит позорно враг.
На поле битвы красный флаг
Победно разовьется.
Не будет горя и нужды,
Не будет злобы и вражды
Кровь больше не прольется.
Не будет жалких богачей.
Не для цепей, не для мечей,
А для машин и плуга
Железо будем добывать.
Все люди будут создавать
Богатство друг для друга.
Так будем все вперед итти.
На этом доблестном пути
Бесцельно не погибнем.
Нас впереди победа ждет,
Мы сбросим с жизни старый гнет
И новый мир воздвигнем».

Пролетарская поэзия оказалась ценным агитационным оружием в революционных боях 1905 г. И, в свою очередь, боевые дни и месяцы первой русской революции крепко закалили пролетарскую поэзию. Она вышла из революционных испытаний 1905 г. созревшей, окрепшей, сильной. Вместе со всей партией ушла в подполье и ее поэзия и оттуда, со страниц большевистской печати она снова заявила о себе «во весь голос», громко крикнув в большевистском «Вперед» о своей боевой готовности к новой борьбе за революцию:

«Он думает, что победил
Лукавый зверь, наш враг?..
Нет, цел наш стяг и невредим
И в верных он руках,
И гнев святой еще сильней
В пылающих сердцах,
Нетерпеливей и страстней
Вонтели в рядах».

Нетерпеливую страстность поэтов пролетарской революции уже не в силах была уничтожить никакая реакция.

«Все, что днем у нас разрушено,
Выстроим во мгле.
Жажда битвы не задушена
в раненном орле.
Ночью снова баррикадами
Город обовьем.
Утро свежими отрядами
Новый бой начнем.
Спите, братья и товарищи,
Близок судный час —
На неслыханном пожарище
Мы помянем вас».

Эта поэтическая клятва, данная Евг. Тарасовым в декабре 1905 г. над трупами московских рабочих, поднявших знамя вооруженного восстания, была клятвой всего революционного пролетариата России. И эту клятву он выполнил в Октябре 1917 года.

АЛ. ДЫМШИЦ

ПАМЯТИ С. М. КИРОВА

В № 12 «Красной Нови» напечатан ряд стихотворений, посвященных памяти С. М. Кирова. Авторы стихотворений: Мих. Голодный, Виктор Гусев, Н. Заболоцкий, Семен Кирсанов, Борис Корнилов, Александр Прокофьев, Илья Сельвинский, Ал. Сурков — свой гонорар передали Деткомиссии ВЦИК.

СЛЕТ УЧЕБЫ

Одной из форм работы центрального кабинета рабочего-автора Профиздата с начинающими рабочими-авторами является проведение слетов учебы на московских предприятиях и на периферии.

Такой очередной слет учебы проводится в г. Горьком с 17 по 23 января для рабочих-авторов завода «Красное Сормово», автозавода им. Молотова и др. Предварительно перед слетом были проведены местные конкурсы на лучшие произведения. К участию в слете привлечен актив литературных кружков.

В программу слета учебы входят семинары по русскому языку и стилистике, групповые и индивидуальные консультации, беседы по передаче творческого опыта писателей и лекции по классической литературе.

В подготовке и проведении слета принимают активное участие горьковское отделение союза советских писателей и т.т. А. Караваева и А. Сурков.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ВОПРОСАМ АВТОРСКОГО ПРАВА

Союзом советских писателей СССР и Литфондом СССР организована об'единенная юридическая консультация по вопросам авторского права.

Юридическая консультация помещается при Литфонде ССР (Тверской б. 25).

Прием производится по нечетным числам от 3 до 5 ч. веч.

Членам ССП и кандидатам Юридическая Консультация оказывает помощь по всем правовым вопросам.

МОСКОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ В КРЫМУ

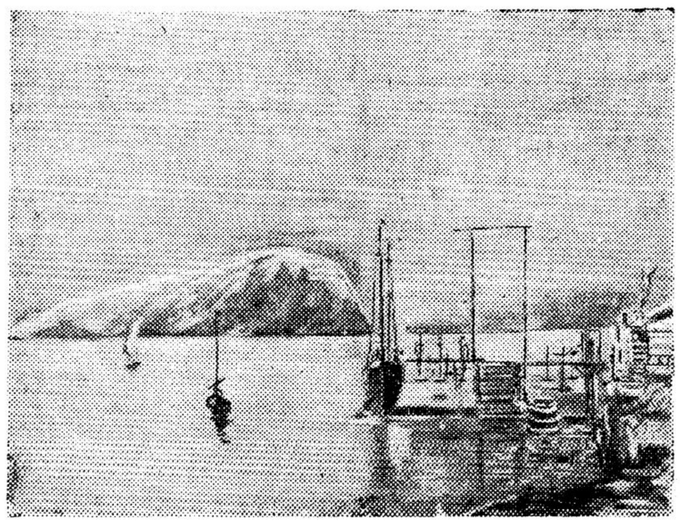
В работе 8-го Всекрымского с'езда советов, состоявшегося на-днях в Симферополе, приняли участие московские писатели т. т. Гладков, Бахметьев и Санников. Писатели были избраны в президиум с'езда.

Ф. Гладков передал лучшим людям Крымской республики горячий привет от правления ССП и поздравил делегатов с'езда с большими успехами в промышленном, с.-х. и культурном строительстве Крыма. (Наш корр.)

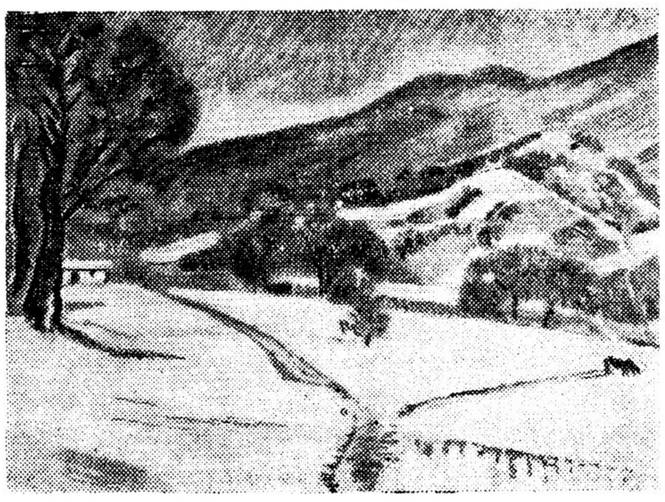
РУКОПИСНЫЙ СПИСОК „МОЦАРТА И САЛЬЕРИ"

ТИФЛИС (наш. корр.). Музей писателей Грузии приобрел неизвестный до сих пор рукописный список А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» 1833 г. В приобретенном списке встречается несколько характерных разночтений от общеизвестного рукописного списка.

Список изучается сотрудниками музея писателей.



А. Козулов. Пейзаж.



В г. Фрунзе состоялась первая в Киргизии художественная выставка. На выставке фигурировало 220 картин, этюдов и рисунков 20 художников. Наряду с профессионалами на выставке выступали со своими произведениями молодые художники-самоучки, главным образом, киргизы. На фото: Л. Касаткин. Пейзаж в Кугарте.

По Советскому союзу

МУЗЫКАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОРОНЕЖ **(наш корр.).** В Воронеже открылся музыкальный университет «Выходного дня», в котором по выходным дням овладевают музыкальной культурой свыше 300 рабочих и студентов.

Всего будет прочтено 25 лекций, при чем ведущее место отведено истории западноевропейской музыки, начиная с истории музыкальной культуры XVIII столетия.

В цикле русской музыки будет разобрано творчество Глинки, Даргомыжского, Чайковского, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Лядова, Глазунова и др.

ОПЕРА В КЛУБЕ

ПЕРМЬ **(наш корр).** 23 декабря хоровой кружок клуба железнодорожников имени Толмачова, поставил оперу «Алеко».

Главные роли исполняли члены кружка — рабочие-железнодорожники.

НА РОДИНЕ ЧАПАЕВА

ГОРЬКИЙ **(наш корр.).** В дер. Буданки, Чебоксарского района (Чувашия), где родился В. И. Чапаев, состоялось собрание, посвященное обсуждению кинокартины «Чапаев». Одногодки Василия Ивановича поделились впечатлениями о его детстве. Они рассказывали, как Чапаев верховодил всей деревенской детворой. Один из присутствующих на собрании сообщил любопытную деталь: Чапаев использовал евангелие для «цигарок», за что и был уволен из школы.

Собрание единодушно решило просить правительство о присвоении деревне имени Чапаева.

К.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДНИ В КОЛХОЗАХ

ПОЛТАВА **(наш корр.).** Горпартком вместе с литературной кафедрой пединститута организовал в колхозах района литературный день. Во всех колхозах Руновщанского сельсовета широко обсуждались лучшие произведения наших пролетарских писателей. В колхозах им. Ленина и Кагановича прочли «Поднятую целину» Шолохова, в колхозе им. Постышева —«Мать» Горького. На протяжении зимы в Полтавском районе будет проведено несколько таких литературных дней в колхозах района. Очередные литературные дни посвящаются читке произведений Пушкина и Гоголя.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ УЙГУРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ТАШКЕНТ. **(Наш. корр.).** Рукописное хранилище при Узбекистанской государственной библиотеке обогатилось редким списком древнейшего произведения уйгурской письменности «Кудатку-билик», появившегося в XI веке в Кашгарии. Этот памятник уйгурской литературы представляет первый отклик в среднеазиатской литературе на «Шах-наме» Фирдоуси. Автор ее, Юсуф-Аджиб.

«Кудатку-билик» (1070 год н. э.) представляет поэтический кодекс правил построения придворных церемониалов, внутренних распорядков двора и т. д.

Приобретенный в Фергане список «Кудатку-билик» — третий в мире из известных экземпляров этой рукописи (остальные хранятся: один в Вене, другой — в Каире).

Книги в гранках

Профиздат выпускает сборник рассказов рабочих шуцбундовцев о февральских боях в Австрии. В книге ярко освещены отдельные эпизоды этой борьбы, героизм рабочих, выступивших с оружием против фашизма, предательство вождей, помогавших правительству Дольфуса потопить в крови революционные выступления пролетариата.

Последняя часть сборника посвящена бегству шуцбундовцев из Австрии, их жизни в Чехо-Словакии и приезду в СССР.

★

О героических боях австрийского пролетариата в феврале 1934 г. с войсками и фашистскими частями за пролетарскую Вену, о гнусном предательстве социал-демократических вождей повествует в издаваемой Профиздатом книге руководитель боев в Флорисдорфе Рошер.

В заключительной главе книги описывается поход 47 шуцбундовцев, перешедших границу, и бегство самого Рошера из Австрии.

К книге, богато иллюстрированной, дано предисловие **В. Кнорина.**

КНИЖНЫЕ АУКЦИОНЫ В ПАРИЖЕ

По счастливой случайности мне попал в руки «Vade mecum» (носи меня с собой) — алфавитный справочник на проданные книги за сезон 1934 г. на аукционе в Париже (Brecourt).

Справочник очень редок в Москве и поэтому я думаю, что короткий перечень книг и характер спроса аукциона представляет интерес.

Отмечу общий характер: книги ценятся только в полной сохранности. Червоточины, пятна, надорванные страницы чрезвычайно снижают стоимость книги (Вольтер. Орлеанская девственница. изд. Дидо, год III (1795)—в плохом состоянии 60 франков — то же издание, но в хорошем виде: в марокеновом (сафьяновом) переплете 2900 франков; Мольер «Лекарь поневоле», издания Рибу 1667 г., надорван и поклеен фронтиспись — 910 фр; в полной сохранности 8100 фр.).

Был спрос на первые издания крупных авторов (экземпляры на голландской бумаге, нумерованные). Цены на такие издания от 50 д 300 фр. Автографы придают большую ценность; так, первое издание Бодлера «Цветы зла» 1857 г. на голландской бумаге № 1, с автографом автора было продано за 40.000 франков. Самые высокие цены, как и всегда в Париже, были уплачены за иллюстрированные французские издания XVIII в. Тут сохранность экземпляра, состояние и качество переплета делало разницу цен в десятки и сотни раз.

По наивысшим ценам в этом году были куплены: Лафонтен «Басни и новеллы», Амстердам (Париж) 1762 г. 2 тома с рисунками Эйзен. В красном марокеновом переплете с золотым тиснением и гербом маркизы Помпадур, экземпляр известен, как наилучший из этого издания. Уплачено — 149.500 фр. Овидий «Метаморфозы», 4 т. изд. 1767—71 г. с 139 рисунками Буше, Эйзен, Гравелло. В переплете работы Дером, голубом марокене, с золотым тиснением, с офортами до подписи и подлинным рисунком худ. Шоффар, с приложением альбома богато переплетенного переплетчиком Кузен в двухцветный марокен, и содержащего рисунки Шоффар. Продано за 305.000 фр.

Цены на манускрипты низки: псалом деве Марии, рукопись, конца XIV века 112 листов в 16 долю листа в деревянном переплете XV века — 230 франков. Требник написан на пергаменте XV века в восьмую долю листа, 385 стр. в старинном переплете — 200 фр. Ветхий завет, второй половины XII века, готический шрифт с разукрашенными заглавными буквами в переплете XV в. — 2.200 фр. Общее впечатление от аукциона — это сокращение мелкого и среднего собирательства и погоня крупных коллекционеров за уникальными экземплярами.

П. КУДРЯВЦЕВ.

СОВЕТСКИЕ ДЕТИ И АДВОКАТ БАЛАЛАЙКИН

В начале 1876 г. С.-Петербургский окружной суд слушал дело по обвинению банкира Кронеберга в истязании своей семилетней дочери. Он ее порол шпицрутенами. Банкира защищал «столп русской адвокатуры» — профессор уголовного права и литературовед — адвокат Спасович. Маленькая девочка, как затравленный зверек, предстала перед тогдашней русской «общественностью». Ее отец, а также эксперт-врач Суслова с солдатским цинизмом обвиняли ребенка в тайных пороках. Спасович, защищая Кронеберга и отметив «злобный и лживый характер девочки Марии», доказывал суду, что иногда бывает позволительным отцу подвергать порке свое дитя.

«Государство еще несовершенно в своих функциях опеки над детьми» извивался прославленный адвокат. Это было «либеральное» противопоставление «общества» государству.

Речь Спасовича была возмутительным панегириком розге. Кронеберг был царским судом оправдан. Этот приговор еще раз утвердил бесправное и беззащитное положение детей в царской России.

Теперь наши советские дети окружены заботами партии, правительства и всей общественности. В СССР растет веселое, здоровое и большевистское племя и его никто не дает в обиду.

Но я невольно вспомнил этот эпизод с Кронебергом и Спасовичем, когда прочитал недавно изданный сборник рассказов В. Ардова «Малолетние граждане».

Эта книжка представляет собой не только образец халтуры, но и клевету на нашу семью и общественность.

«Как, позвольте, однако ж! — вероятно, воскликнет В. Ардов,—ведь я же свою книжку написал в защиту советских детей, этих малолетних граждан, этих цветочков земли!»

Но нельзя к советским детям, быть может в отдельных случаях и нуждающимся в защите, подпускать людей неопытных.

Когда вы познакомитесь с книжкой В. Ардова, то увидите, что автор вас привел в мир Кропеберговъ, Передоновых и прочих растителей детей, — психических и физических; что этот враждебный нам мир, где отцы и матери похожи на сумасшедших садистов, а дети на несчастных жертв или на вредных и озлобленных хорьков — автор пытается выдать за СССР. Ничего смешного в его рассказах нет.

В рассказе «Родительский идеал» дети изображены злыми, сюсюкающими, какими-то душевно горбатыми, подозревающими всех взрослых в воровских стремлениях.

«Я уйду, — говорит «маленький гражданин» Дима, — а то они (гости), небось, мой велосипед овистнут...»

Девочка Ляля в этом же рассказе —жалкое, анемичное, много раз порото и перепоротое родителями существо. Она стыдливо делает реверансы при встрече с гостями и очень похожа на ту печальную девочку, Марию Кронеберг, о которой много пришлось говорить адвокату Спасовичу —тогдашнему Балалайкину. Эта Ляля — забитый и затравленный зверек. Гулять она не хочет. «Много ли ты гуляешь?» — не без умысла спросил ее пытливый автор.

— Что вы, разве можно теперь гу—жалкое, анемичное, много раз почем?—ответила смущенно девочка.— Особенно не разгуляешься.

В рассказе «Папы, мамы, дяди и тети» к восьмилетнему Мише пришли дети в гости. («Дети служащих» — предупредительно вставляет ремарку Ардов — дескать — «я не обобщаю явлений, это ведь **только** дети служащих!»).

Невинные дети сначала дают друг другу **честное ленинское слово,** что у них папы и мамы настоящие, но потом они же сами обнаруживают, что их папы, тети, мамы и дяди живут друг с другом вперемежку и поочередно.

По мнению В. Ардова, содомский свальный грех встречает наших детей в еще нежном возрасте. «Маленьких граждан» Ардов сталкивает лицом к лицу с таким бытом, который только по ошибке может быть назван советским.

В рассказе «Неблагородный ребенок» взрослые насильно напаивают маленькую девочку вином, всовывая ей в ротик «ложку Цинандали», от которой «она лежит с открытыми глазами и тихо хрипит».

И, наконец, в рассказе «Таинственный похититель» пьяница Крутихин и управдом провоцируют родителей **многих квартир** на порку детишек.

Безжалостно, по два и по три раза родители секут своих детей по вздорному поводу (кто-то оторвал железную доску со списком жильцов).

На многих «советских» квартирах родители секут своих детей одновременно, причем дети заведомо непричастны к пропаже доски. Автор тщательно, по мере своих сил, описывает процедуру расправы, произведенной сумасшедшими садистами. Взрослые не только, по утверждению автора, секли детей, но запирали их в комнату на несколько дней, отбирали любимые игрушки, не давали есть...

Детей, перепоротых, обманутых и всячески изруганных («Вот я вас, гниды, всех передавлю») взрослые наконец, стукнули друг с другом Детский коллектив «запутался во взаимных обвинениях», дети нервничали и часто плакали. «С Ирочкой случился истерический припадок. Светика выпороли в третий раз...».

Ардов захлебывается от странного удовольствия, описывая невероятную в советских условиях картину коллективного истязания детей. Это уже почище дела Кронеберга. «Дети рыдали, они давали взрослым **честное ленинское** слово, что не они доску сорвали... (Ардов сознательно и несколько раз это **честное ленинское слово противопоставляет,** как бессильную мольбу детей, неумолимой расправе «советских взрослых»).

Но детям не верят, их все продолжают сечь.

Наконец дети сами обнаружили виновника пропажи железной доски. Это был пьяница Крутихин... Дети рассказали об этом взрослым.

Но «Крутихину ничего не сделали. Его не держали взаперти пять дней. Его не секли. И к **любой** тете он мог пойти в гости, когда бы ему ни захотелось»... (Как к месту тут словечко «любой» ввернуто! Ардов, изображая советские Содом и Гомору, всех советских женщин готов зачислить в публичный дом!).

«Все у нас взрослым дозволено», внушает автор читателю. «Все им проходит безнаказанно... И рассказик-то мой о Крутихине обернулся как бы оправданием советских Кронебергов. Правда, не банкиры они, и не кто-нибудь, а так себе, жильцы...».

«Я, господа судьи и господа присяжные заседатели,—не сторонник розог, я вполне понимаю, что может быть проведена система воспитания, из которой розга будет исключена. Но нормальные меры употребления в нормальном порядке вещей», — говорил на суде адвокат Спасович.

Между В. Спасовичем и В. Ардовым, конечно, нельзя ставить знаков тождества. Первый, будучи профессиональным адвокатом, сознательно и последовательно выступил в защиту розги.

Второй, как адвокат малоквалифицированный — сначала советскую семью оболгал, а потом тотчас выступил в ее защиту — от детей дегенератов и родителей употребляющих розги садистов. Но, увлекшись «обличительной деятельностью», Ардов свои «обобщения» распространил далеко за пределы детского вопроса».

На обложках книги В. Ардова напечатано:

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Серия книжек — печатает лучшие произведения советских и иностранных авторов.

В. Ардов. «Малолетние граждане». Редактировал Ефим Зозуля. Тираж 50.000 экз.

ЧИТАТЕЛЬ.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Выходит из печати и на-днях рассылается подписчикам и поступает в продажу **№ 12** ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала

„ЗНАМЯ"

В номере:

Памяти тов. Кирова. С. Сергеев-Ценский — Заурядполк, роман (окончание). **Б. Лапин, З. Хацревин** — Дальневосточные рассказы. **А. Твардовский** — Дед, стихи. **Ф. Чернов** — Мускат, рассказ. **Евг. Долматовский** — Трус, стих. **Мих. Рудерман** — Буря, стихи. **Валентин Лимарев** — Баллада о книгоноше, стихи. **Т. Сорокин** — На полях сражений (записки военного корреспондента). **Александр Эйсендер** — Чапаев, стихи. **Фриц Эппенбек** — Но я не хотел быть трусом! (Из дневника добровольца). (Перев. с немецкого). **Павел Дыбенко** — Матросы в борьбе за революцию.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК.

Г. Белицкий — Поиски героя. **Борис Бегак** — Комедия в наши дни. **Лев Рубинштейн** — Дальний Восток и дальний запад. **Ю. Севрук** — Стихи в театре.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Д. Тамарченко — Конструктивные принципы «Войны и мира». **Орест Цеховицер** — Легенда об Иване.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 12 мес. — 24 руб.
6 мес. — 12 руб.
3 мес. — 6 руб.
1 мес. — 2 руб.

Подписка принимается в почтовых отделениях, письмоносцами, а также отделениями, уполномоченными, киосками КОГИЗА.

Журнал «Знамя» включен в рекомендательный список ПУРККА.

Елена Феликсовна УСИЕВИЧ с прискорбием извещает о смерти сына,

Гриши УСИЕВИЧ

последовавшей 17 января.

Вынос тела из Кремлевской больницы 19 января, в 12 ч. Кремация в 1 ч. дня.

Редакция и коллектив сотрудников «Литературной газеты» выражает свое соболезнование

Елене Феликсовне УСИЕВИЧ

по поводу смерти ее сына ГРИШИ.

СРОК ПРИЕМА В АСПИРАНТУРУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СЕКТОРА ВГИК'а ПРОДЛЕН ДО 1 ФЕВРАЛЯ 1935 ГОДА

УСЛОВИЯ ПРИЕМА:

1. В аспирантуру Научно-Исследовательского Сектора при Государственном институте Кинематографии принимаются лица, имеющие законченное высшее литературное или художественное образование и 2 года производственной работы по специальности.

Для избирающих профиль по учебному кино обязательное высшее педагогическое образование.

2. Подготовка аспирантуры производится по двум профилям:

а) История кино, со специализацией по советскому и буржуазному кино.

б) Учебное кино.

3. Поступающие подвергаются приемным испытаниям по дисциплинам:

а) Диалектический и исторический материализм (в об'еме ВУЗ'а).

б) Теория искусства (тоже).

в) По специальности (избираемому профилю).

4. Принятые в аспиранты обеспечиваются стипендией в размере 250 руб. в месяц.

5. К заявлениям о приеме должны быть приложены документы:

1) Заверенная обществ. организацией анкета.
2) Удостоверение об образовании.
3) Заверенная копия метрической справки.
4) Удостоверение о соц. происхождении, социальном положении.
5) Справка врача о состоянии здоровья.
6) Характеристика общественных организаций с последнего места работы.

За справками и программами испытаний по специальности обращаться по адресу:

Москва, Ленинградское шоссе, д. № 44/2, ком. 20 — ГИК—НИС.

Телефон Д-1-88-52.

В СОВЕТСКУЮ ФЛОРИДУ

превращаются районы советских субтропиков — Закавказье, Крым, Средняя Азия.

ЧАЙ, ЛИМОНЫ, МАНДАРИНЫ, КАУЧУКОНОСЫ, РЕДКИЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ и ДЕКОРАТИВНЫЕ КУЛЬТУРЫ получают огромнейшее развитие во второй пятилетке.

Познакомить с необычайным обилием и разнообразием субтропической природы широчайшие массы трудящихся, показать им те громадные работы, которые развертываются на территории советских субтропиков — от пересадки лучших растений мировой флоры до осушения огромных Колхидских болот — **задача специального номера «ОГОНЬКА»,** выпускаемого в виде богато иллюстрированного художественного оборника-альбома под редакцией **Мих. Кольцова и при ближайшем участии А. М. Лежава.**

„СОВЕТСКИЕ СУБТРОПИКИ"

Свыше двухсот страниц, до двух тысяч **фото, двухкрасочные карты, многоцветные вкладки.**

Сборник-альбом в художественной и наглядной форме должен отобразить гигантский размах работ по реконструкции субтропиков Советского Союза.

В специальном номере «Огонька» «Советские Субтропики» **помещены статьи, очерки, литературно-художественный материал тт. Л. Берия, А. М. Лежавы, академика Н. А. Вавилова, академика Б. Келлера, Бор. Пильняка, Е. Зозули, Т. Табидзе и др.**

Сборник выходит в специальном оформлении работы **Л. Лисицкого.**

Цена — 15 рублей.

Заказы направлять: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазоб'единению или сдавать уполномоченным Жургаз'а.

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ.

ДЗИГА ВЕРТОВ

ПОСЛЕДНИЙ ОПЫТ

15 лет учился кинописи. Умению писать не пером, а киноаппаратом. Мешало отсутствие азбуки кино. Пытался создать эту азбуку. Специализировался на «кинописи фактов». Стремился сделаться кинописателем хроники. Учился этому делу за монтажным столом. И в бронепоезде под Луганском. И у вскрытых мощей Сергия Радонежского. И в поезде тов. Калинина. И на процессе казачьего полковника Миронова. И в партизанской армии т. Кожевникова. Учился, когда делал «кинонедели». Когда монтировал «Бой под Царицыном». Когда собирал «Годовщину революции». Когда напрягал мозги над итоговым фильмом в 13 частях под названием «История гражданской войны».

Такое мое поведение не было ошибочным. Это следует хотя бы из указания тов. Ленина, что «производство новых фильм, проникнутых коммунистическими идеями и отражающими советскую действительность, надо начинать с хроники».

Двадцать три «Киноправды» — следующий этап учебы. Учился делать киноочерки. Кинофельетоны, Кинестихи. Кинопередовицы. Пробовал слагать кинопоэмы. Затем смелая «Жизнь врасплох» или 1-я серия «Киноглаза». И следующая ступень учебы. «Ленинская правда». Поэма «Шагай, Совет!». Радио-кинофильма «6-я часть мира». Октябрьский марш «Одиннадцатый». Фильм без слов «Человек с киноаппаратом». Шумная симфония «Энтузиазм». Эти фильмы явились как бы «фильмами, производящими фильмы» по отношению к последнему многостороннему опыту — к «Трем песням о Ленине».

Рапортую о своем последнем опыте: с одной стороны — это кино-документы о смерти Ленина. О последних 40 километрах. О последнем пути Ленина из Горок в Москву 23 января 1924 года.

Если, с одной стороны, — это траурный парад, прощание масс с вождем, то с другой стороны — это Ленин в движении на пленке. Кинодокументы, сохранившиеся о живом Ленине, наше кинонаследство о Ленине.

С третьей стороны, «Три песни о Ленине» — это кинодокумент о гражданской войне.

Четвертая группа документов это Днепрострой, Магнитострой, Беломорстрой и другие документы социалистического строительства.

Пятая группа — это живые люди, герои, строители, бетонщица Днепростроя, колхозница, ударник нефти, учащиеся тюрчанки, колхозницы-узбечки, учащиеся военной школы в Фергане и т. д., кончая героями-челюскинцами и пролетариями разных стран, сражающимися за революцию под знаменем Ленина.

И, наконец, одна из самых важных особенностей фильма — это документы народного творчества о Ленине, народные песни о Ленине.

В свете образов народного творчества, в свете образов тюркских, туркменских и узбекских народных песен — проходит перед зрителем-слушателем весь фильм о Ленине.

Так, например, материал гражданской войны в свете творчества народов Востока скристаллизовался у меня в мозгу следующим образом:

... им взрывают мосты,
а они идут.
им поджигают паровозы,
а они идут,
их расстреливают,
а они идут,
без хлеба,
а идут,
без воды,
а идут,
сквозь холод,
а идут,
сквозь огонь,
а идут,
падают,
а идут,
умирают,
а идут —
массы, победившие в гражданской войне —
это и есть Ильич — Ленин.

Этот образ нисколько не противоречит мысли о том, что штурм беломорской крепости,

что переворот в сознании людей
Беломорстроя,
— это и есть Ильич — Ленин.

Мы говорим кадрами и сложными сочетаниями отдельных кадров — смотрите:

Вот стало озеро, там, где его
не было,
Вот выросли деревья там, где
их не было,
вот уже управляет трактором
рожденный Лениным человек
Вот зажглось электричество там
где его не было,
вот заговорило радио там, где
его не было,
вот уже читает газету рожденный
Лениным человек
Вот выросли фабрики там, где
их не было,
университет открылся, которого
не было,
и вот уже сталинскую путевку
обсуждает колхозный с'езд.
Из старого в новое,
из прошлого в будущее,
от рабства к свободной культурной жизни
шел человек
(шел раскованный революцией человек)
Это и есть Ильич — Ленин.

Много сотен, а может быть тысячи страниц белой бумаги исписаны моей рукой в процессе с'емки и монтажа фильма. И все это только для того, чтобы уничтожить написанное в момент, когда приходит такое ясное и простое, как улыбка бетонщицы Белик, решение. Приходилось писать и стихи, и рассказы, и сухие отчеты, и видовые очерки, и драматические эпизоды, и заумные словосочетания, чертить схемы и диаграммы, и все это проделывать ради образного и кристаллического сочетания какой-нибудь группы кадров. Мне кажется, что еще не все понимают разницу между аморфным и кристаллическим состоянием документального кинематериала, между неорганическими и органическими сочетаниями кадров друг с другом. Еще до сих пор не все отдают себе отчет в том, что значит написать полнометражный фильм

Дзига Вертов

кинокадрами. Еще путают переводные фильмы с языка театра, с языка литературы, с фильмами-оригиналами, с авторскими киноработами. И поэтому недооценивают тех трудностей, которые стоят на этом втором изобретательском пути.

Наряду с другими темами, через весь фильм «Три песни о Ленине» проходит образ «Ленин — это весна».

Эта тема, как и другие, идет в фильме не по каналу слов, а другими путями—по линии взаимодействия звука и изображения, по равнодействующей многих каналов, идет глубинными путями, иногда выбрасывая на поверхность десяток слов. Движение мыслей, движение идей по многим проводам, но в одном направлении, к одной цели. Мысли бегут с экрана, проникая в сознание зрителя без перевода в слова. А у написанных и сказанных слов в фильме своя контрпунктическая дорога. Перед нами большой симфонический оркестр мыслей, где катастрофа с одной из скрипок или виолончелей не прекращает концерта. Ток мыслей продолжается даже тогда, если оборван один из сплетенных между собой проводов.

«Три песни» настолько отличаются по своей конструкции от обычного вида фильмов, что словесное изложение содержания представляется задачей трудной, особенно, если речь идет не об одностороннем, а о многостороннем изложении фильма. Содержание «Трех песен» разворачивается спирально, то в звуке, то в изображении, то в голосе, то в надписи, то без участия музыки и слов, одними выражениями лиц, то внутрикадровым движением, то столкновением одной группы снимков с другой группой, то ровным шагом, то толчками от темного к светлому, от медленного к быстрому, от усталого к бодрому, то шумом, то немой песней, песней без слов, бегущими мыслями от экрана к зрителю, без того, чтобы зритель-слушатель переводил мысли в слова.

«Три песни о Ленине» — произведение многостороннее. Но основная сила его в том, что оно уходит корнями в образы народного творчества, в образы, созданные творчеством раскрепощенных народных масс. Ленин-гигант и любимый Ильич, близкий друг и великий вождь и «Ленин влил в каждого из нас по капле своей крови»—вот как рисуется образ Ленина раскрепощенному туркмену и узбеку, вот как он рисуется вдвойне и втройне раскрепощенной женщине советского Востока.

«В былое время
среди черных стен
я была увядшим цветком.

по велению шариата
я росла рабыней без цепей.

Днем и ночью была печаль.
Издевательства. Грусть.
Отчаяние.

В руках мужа я была
и куклой
и рабыней.

Но вот играет музыка.
Рука бедняка уничтожила
старую эпоху.

В мое ухо вошло:
угнетенные, соединяйтесь!

С тех пор у меня в руке тамбур.
Играя, я всегда пою:
— Да здравствует Ленинская
дорога!»

Уполн. Главлита Б—2104.

Типография газеты «За Индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.